

Саша Кравец

18+

О ДЬЯВОЛЕ
И БРОДЯЧИХ ПСАХ

Саша Кравец

О дьяволе и бродячих псах

«Издательство АСТ»

2023

Кравец С.

О дьяволе и бродячих псах / С. Кравец — «Издательство АСТ»,
2023

ISBN 978-5-17-156604-3

Говорят, некогда в отеле «Барнадетт» рождалась джазовая музыка, гениальные идеи и сотни головокружительных романов. Но Нина Стелманис застаёт его другим – одиноким особняком тетушки Эстель, презираемым местным религиозным движением. Но так ли он одинок, как кажется? Дом, где нет места свету, полон незнакомцев. Разных, но объединенных общей тайной, – каждый из них связал свою жизнь с загадочным господином, который дает людям второй шанс. Нине предстоит выяснить всю подноготную родового имения и столкнуться с одержимым азартом и страстью дьяволом. Понадобится смелость, чтобы выжить. Но не только ей принимать решения. Она – лишь шахматная фигурка в чьей-то партии. Кто даст верный ответ на вопрос, что лучше: смерть или жизнь на цепи преисподней?

ISBN 978-5-17-156604-3

© Кравец С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Саша Кравец

О дьяволе и бродячих псах

© Саша Кравец, 2023

© Y U R E I, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть 1

Трудности переезда

Пролог

Ветер мягко шелестел в листве, заговаривая округу на грядущий сон. Сумерки расстелились бархатным покрывалом по улицам Порт-Рея, воцарили тишину, забралась в каждое окно и разбудили свет.

В комнате человека теплилась лампа. Он не спал. Наступление ночи тревожило покой.

Его скромная обитель тонула в полумраке. Тени от мебели расползлись по выцветшим зеленым обоям, затаились за пыльным зеркалом, под одинокой курткой на стройной вешалке у дверей. Накрыли кипы книг у подножья кровати и кучу пустой стеклянной тары на краю вытертого ковра. Человек много пил. Да и выглядел неважно. Бледный свет совсем худо ложился на его лицо, выделяя впалые скулы, острый подбородок, морщины в уголках глаз, выдающие отнюдь не юный возраст. Однако ошибочно полагать, что это был старик. Сам человек ни в коем случае себя таковым не считал.

В тот вечер, как и во многие другие, он не мог сомкнуть глаз. Человек долго лежал в зыбкой полудреме, прикрыв веки, пока парад навязчивых мыслей настолько не вымотал его, что он отбросил всякие попытки заснуть. Человек налил в стакан виски, совсем немного, на пару сантиметров, и забрался на подоконник. Подставив лицо прохладному ветру, уставился в темную даль. Вид сонного города навевал скуку. А потому успокаивал. Человек даже собрался было вернуться в постель, если бы внимание не привлекли два приближающихся желтых глаза.

Лучи фар скользнули по его лицу и погасли. За воротами дома остановилась машина с характерными признаками такси. Охваченный смесью замешательства, возбуждения и страшного любопытства, человек остался наблюдать.

Из автомобиля вышла девушка. На вид не больше двадцати лет, на вкус – недурной наружности. Ее лицо было собрано из черт, которые сами по себе смотрелись непримечательно: глубоко посаженные глаза, маленькие губы, прямой нос. Их можно было назвать стандартными и даже неинтересными, но вместе они складывались во вполне себе обаятельную, запоминающуюся внешность. Забрав скромные пожитки, незнакомка минула ворота и двинулась по вымощенному брусчаткой двору.

Человек не верил глазам; он сомневался и в каком-то лихорадочном волнении думал, что произошла нелепая ошибка. Но никакой ошибки не было.

Хозяйка приняла гостью с полным радушием.

– ***, – у него вырвалось одно лишь бранное слово, хотя в голове человека бродили куда более изысканные ругательства.

Да и человеком, по правде говоря, он не совсем являлся.

Глава 1

Добро пожаловать в «Барнадетт»

Порт-Рей. Добраться до него непросто – не самый популярный город. Тяжелое свинцовое небо над старыми крышами, окутанные пеленой тумана убитые улочки, редкие прохожие со скверным расположением духа. Так Нина его и представляла.

Признаться, виделась ей в этих печальных картинах какая-то особая романтика.

Минув готическую часовенку на выезде, такси покинуло город и въехало в лесную полутьму. Очертания сосновых макушек за окнами размывались в скорости и сумеречных просветах неба, фары обрисовывали кусты у дороги и мгновенно отправляли их во мглу. Нина пребывала в состоянии легкой эйфории, призванном ненадолго усыпить ее тревогу. Водитель, к счастью, вопросов не задавал, хотя прекрасно понимал, куда везет пассажирку. В место с не лучшей репутацией.

За чертой Порт-Рейя, среди высокой зелени и вековых сосен прятался старинный особняк – отель «Барнадетт», детище рода Стелманис.

Лет семьдесят назад заведение принадлежало к числу тех, которые принято называть «первоклассными». В этих стенах рождались джазовая музыка, гениальные идеи и сотни головокружительных романов. Чистый лесной воздух исцелял гостей лучше всяких лекарств, а далекие звуки морского прибоя успокаивали мысли. Сюда бежали от мирской суеты, докучливых коллег, запутанных отношений. И от самих себя. В «Барнадетт» ты мог представиться кем угодно.

Огромное влияние и нескромный доход – семье Стелманис было чем похвастаться. Доподлинно теперь неизвестно, почему бизнес пришел в упадок. Были ли это финансовые проблемы с миллиардными кредитами или нависшее над отелем проклятье – каждый решал для себя сам. Так или иначе, пока правда скрывалась за величественным фасадом, отелю продолжали приписывать дьявольские черты.

Располагалась главная мистическая обитель на высоком холме. Окна особняка видели город, извилистый берег, далекие морские суда. Но сам отель было не так просто найти невооруженным глазом в толще зелени. Впрочем, никто и не искал.

Завидев из такси высокие кованые ворота, Нина захрустела пальцами, чтобы унять нервное покалывание. «Барнадетт». Это был долгий и утомительный путь. И не менее сомнительный. Таксист дождался, пока Нина выйдет из машины, бросил ей в ноги чемодан и оставил наедине с огромным домом из серого камня.

Асимметричный готический особняк словно сошел с иллюстрации мрачной, таинственной сказки. Трехэтажное здание венчали башни, неустанно тянувшиеся к холодным облакам; выше были только шпили с голыми остроконечными флагштоками. Старинный фасад украшали граненые эркеры и рельефные скульптуры с вычурными переплетениями орнаментов. Балкон на втором этаже был обнесен балюстрадой из черного мрамора. В высоких арочных окнах горел свет.

За территорией никто не ухаживал, газон зарос травой и сорняками. Ветки сухих кустарников изламывались в самых зловещих формах, отбрасывая не менее уродливые тени. Изъеденный временем фонтан перед крыльцом спал, а тина и поросшие мхом сколы на нем говорили о том, что уже довольно давно.

«Барнадетт» был пугающе красив.

Нина взошла по широким ступеням к двухстворчатой дубовой двери, и в глаза невольно бросился дверной молоток, отлитый в форме львиной головы. Львиная голова – как пафосно и банально. Обхватив ручку, она трижды постучала.

Раздался скрип засовов, и вскоре на пороге Нину встретила женщина с тусклыми русыми волосами, завитыми в локоны. Она была ужасно худой, быть может, даже слишком. На бледном лице с узким подбородком темнели выдающиеся линии скул, от папаши Стелманис ей достался прямой, чуть вздернутый нос. Хозяйку уверенно можно было назвать повзрослевшим отражением Нины. Невероятное сходство выдавало родственные узы, которые формально связывали оба поколения.

Тетушке Эстель было за пятьдесят, но о прожитых годах говорила исключительно мудрость стальных глаз. Она выглядела моложе и даже в простом домашнем платье производила неотразимое впечатление. Рассматривая ее, Нина обнаружила, что за долгие годы разлуки образ тетушки значительно истрепался в памяти.

– Нина, наконец-то. Проходи скорее, – пригласила в дом Эстель сдержанным тоном.

Нина послушно переступила порог и оказалась в просторном холле, выложенном темным мрамором. Многие рассказывало о былой роскоши: внушительных размеров хрустальная люстра под высоким потолком, тусклые полосы шерстяных ковров на изгибах парадных лестниц, отделанная почерневшей позолотой стойка администратора и множество развешанных над ней часов, которые некогда показывали время разных стран, а теперь намертво встали. С левой стороны от пустующего регистрационного стенда соседствовали арка в столовую и резные двери в гостиную залу, справа уходил коридор с номерами.

У Нины сложилось впечатление, что внутри отель кажется куда больше, чем снаружи.

– Люциус! – Позвала Эстель. – Помоги Нине отнести вещи.

При мысли о дворцеком в голове сперва возник образ галантного мужчины во фраке, а потом вдруг вымышленный портрет сменился карикатурным ворчащим стариком. Воображение разыгралось совсем не к месту. Тем более из дверей гостиной вышел вовсе не дворецкий. Это был молодой человек лет двадцати пяти, к слову, очень хорош собой. Одет с иголки – облегающий крепкое тело джемпер, клетчатый шерстяной костюм с крупными серебристыми пуговицами на пиджаке. Лицо безупречно, как творение Микеланджело, классически правильные черты и античный профиль наверняка обращали на их обладателя взгляды всех женщин и мужчин. Аристократическую бледность выгодно подчеркивали темные локоны. А глаза! В этих лукавых зеленых глазах свет играл, подобно солнцу на водной глади. Они пугали и зачаровывали. Манили и отталкивали. Они вызвали у Нины неподдельное любопытство.

– Добро пожаловать, – улыбнулся Люциус, обнажив острые от природы клыки. Скользящая по его лицу тень усталости тут же разбила идеальный облик.

– Люциус проводит тебя в комнату, – Эстель передала племяннице ключ. – И спускайся на ужин. Только не затягивай, а то остынет.

Едва Нина успела поблагодарить за гостеприимство, как Люциус подхватил чемодан и понес вверх по лестнице. Нина торопилась следом за его широкой спиной и запахом духов, напоминавших морской бриз и смородину.

От лестницы второй этаж расходился на западное и восточное крыло. Люциус нырнул в западный коридор, – двери по обе стороны были закрыты. В свете потолочных ламп печально мерцал золотистый узор на потускневших бордовых обоях, из медных рам за Ниной следили интеллигентные лица джентльменов и леди. Должно быть, портреты рода Стелманис, о котором она знала не так много, как следовало бы.

– Как тебе город? – Внезапно спросил Люциус, прервав гулкий звук шагов.

– Холодно, пасмурно, чуждо. – Нина вспомнила тонущие в тумане виды.

– Все дороги ведут в Порт-Рей, – ответил Люциус будничным тоном. Нина не совсем поняла, что он имел в виду, и тактично промолчала.

В скором времени несостоявшийся дворецкий остановился у номера и поставил вещи. Нина вновь столкнулась с волшебными зелеными глазами и не отказала себе в удовольствии заглянуть в них. Как смотрят на редкий музейный экспонат – с интересом и волнением. Ненадолго залюбовавшись столь дивной красотой, она вложила ключ в замочную скважину и повернула. Послышался звонкий щелчок. Со скрипом железных петель дверь открылась, с порога пахло застарелым табаком. Люциус помог включить свет.

Комната была заставлена не новой, но неплохо сохранившейся мебелью красного дерева. Кресла обтянуты узорной рогожкой; письменный стол у окна украшен сверкающей медной лозой, очень напоминающей виноградную; старинный комод любезно накрыт салфеточкой тонкой вязки. На двухместную кровать Нина покосилась с сомнением, – обширное пространство не виделось ей чем-то комфортным. Серые обои с бледным орнаментом из роз душили и вгоняли в тоску. Нина заглянула в ванную. Сантехника на удивление не изнасилась.

– Увидимся еще, – голос Люциуса напомнил о его присутствии. Но, обернувшись, Нина застала за спиной лишь пустой дверной проем. Прекрасный молодой человек исчез, как видение.

Она села на край кровати и дала себе время привыкнуть. В последние дни ее жизнь напоминала бешеную карусель, которой никак нельзя было сказать «остановись». Пять минут тишины и одиночества стали недолгим питстопом перед заездом в следующий этап жизни. Этап под названием «Барнадетт».

И начинался он с остывающего внизу ужина.

Переодевшись с дороги, Нина спустилась. Чем ближе она подходила к столовой, тем отчетливее до нее доносился разговор:

– А я знала, что так и будет! Что он все просрет!

– Не выражайся, Агнес.

– А то ты не привыкла.

Столовая «Барнадетт» напоминала бальную залу, украшенную классическими фресками и дорогой мебелью. В центре располагался длинный обеденный стол, по стенам – столики поменьше. Каждый застелен пожелтевшей от времени скатертью, снабжен пустым набором для соли и перца. Развешанные по залу пейзажи напоминали окна в вычурных рамах – одно выходило в дивный лес с водопадом, другое – в скалистые горы, третье – к обласканному солнцем берегу. Огромной резной дверью столовая сообщалась с кухней.

Тетя Агнес сидела в центре и раскладывала пасьянс на белой кружевной салфетке. Похоже, страсть к картежным играм – семейное наследие, – решила Нина, непроизвольно вспомнив отца. По левую руку от тетюшки стояла серебряная пепельница с окурками, по правую – бутылка виски и наполненный стакан.

Агнес сильно отличалась от сестры – Эстель: в ней не было ни элегантности, ни осанистости. В лицах никаких общих черт: младшей Стелманис достались широкая челюсть, тонкий нос с горбинкой и большие янтарные глаза под густыми темными бровями. Курчавые волосы убраны в хаотичный пучок на затылке. Агнес красила их в огненно-морковный цвет с тех самых пор, как магазины Порт-Рея запустили в массовую продажу хну.

Нет, определенно ничего похожего на Эстель. Но что-то в Нине узнавалось и от второй тетюшки – невысокий рост, отсутствие вкуса в одежде. На Агнес была мужская рубашка, неловко заправленная в джинсы свободного кроя. На манжете масляное пятно.

Тетюшка заметила Нину, и ее хмурое лицо просияло:

– Здравствуй, дорогая, – поздоровалась Агнес грубым от сигарет голосом.

Ответив неловким кивком, Нина расположилась на месте, сервированном фарфоровыми приборами. Бокал наполнен красным вином, на вытянутом блюде жареный цыпленок. От пробудившегося голода она была готова наброситься на еду руками, но, усмирив животные

инстинкты, цивилизованно взяла вилку и неспешно, насколько могла, принялась ужинать. Приготовлено превосходно.

– Извини, что не получилось встретить тебя на вокзале, – произнесла Эстель, восседая во главе стола. – Кое-кто так и не смог починить машину, – она метнула укоризненный взгляд на сестру.

– Завтра, завтра, – отмахнулась Агнес, делая вид, что серьезно задумалась над раскладом. Тетушка затаилась сигаретой и отправила ее дотлевать в пепельницу. Осушила стакан.

– Болтают, что отель давно не принимает гостей. – Иногда Нина меняла направление разговора, озвучивая очевидные вещи. Ее своеобразный способ задавать вопросы.

– Верно, – кивнула Эстель, – дом открыт только для некоторых постояльцев. – Недолго подумав, уточнила: – Друзей семьи.

Последний раз Нина встречалась с тетушками совсем маленькой девочкой и имела ограниченное представление об их личной жизни, деятельности и уж тем более друзьях. Как они, в свою очередь, не знали жизненных перипетий Нины и того, что в них участвовал дядюшка Сэм – отцовский приятель, заимевший репутацию самого трезвого как во время застолий, так и во взглядах на жизнь. Агнес и Эстель не спросят его имя, как Нина не спросит о сожителях родственниц. Хотя, может, стоило бы поинтересоваться соседями? – Оставив тему открытой, она запила ее вином.

– Но куда важнее твоя история. – Агнес оторвалась от пасьянса и выжидающе уставилась на племянницу.

Всю дорогу до Порт-Рея Нина готовила свой рассказ ради этого момента, но, когда пришло время, обнаружила от него лишь бледную зарисовку.

– Ничего интересного, – Нина принялась активнее налегать на ужин, – отец проиграл много денег в карты и исчез. Дом и все имущество конфисковали в уплату долгов...

Она вдруг спохватилась и начала охлопывать себя по карманам. В джинсах обнаружился заветный клочок из вчерашней газеты. Нина разгладила его пальцами на столе, но перечитывать не стала, каждое слово она уже знала наизусть. Подвинула обрывок Агнес и принялась наблюдать, как глаза тетушки бегают по заметке. «Полицейские нашли в пригороде тело мужчины, погиб предположительно в результате насильственной смерти. При нем найдена пачка сигарет и фишка для покера».

– Считаю, что она приносит удачу, – негромко пояснила Нина, представляя красно-зеленый кружок с логотипом столичного казино-клуба.

– Дурак. – Агнес с пренебрежением передала бумажку Эстель. – Получил то, что заслужил.

– Ты как всегда категорична, он же наш брат, в конце концов, – Эстель аккуратно сложила кусочек газеты вчетверо, даже не взглянув. Отодвинула в сторону.

– Пусть земля ему будет дерьмом! – торжественно провозгласила Агнес, подняв стакан. Нина удержалась от замечания, что солидарна с этим мнением, и поднесла к губам вино. Столкнувшись с последствиями особого образа жизни отца, она никак не могла проникнуться к кончине родителя должной скорбью.

– Мы с вами никогда не были близки, но мне больше некуда пойти.

Меньше всего Нине хотелось выглядеть жалкой. И она злилась на себя за то, что в данных обстоятельствах по-другому быть не могло.

– Ты все сделала правильно, – в сдержанной манере ответила Эстель, явно руководствуясь хорошо развитым чувством эмпатии.

– Тихо, – прервала их Агнес. – Слышите?

Палец тетушки уставился в потолок. Нина бессознательно проследила за ним; в глаза бросилась люстра с имитацией восковых свеч. И лишь после ушей достигла тихая музыка с верхних этажей.

– Ох, опять он, гаденыш, – сердито вздохнула Агнес.

– Брось, Несс. Музыка – наслаждение, удовольствие – благо, страдание – зло...

В арке стоял высокий, неопрятного вида мужчина с узким хищным лицом в колючей щетине. Голова величаво запрокинута, черные волосы висели до плеч сальными патлами, прикрывая надменную, злую физиономию. Меж холодного блеска косм над Ниной снисходительно смеялись волчьи глаза глубокого карего цвета. Измятая рубашка словно была застегнута впопыхах, – пара нижних пуговиц перепутана, остальные вовсе остались без внимания и открывали располованное шрамами жилистое тело.

– Высокосортная хренотень, – без энтузиазма оценила Агнес. – Как мне ее подписать: «пьяные бредни Джеймса Митчелла», или это какой-то доисторический философ?

Мужчина вальяжно вошел, взял со стола стеклянный графин и поднес горлышко к носу:

– Да не помню. Наверное, что-то из Аристотеля, – разочарованный тем, что в графине оказалась всего лишь вода, поставил его на место.

– Вообще-то Аристотель говорил, что излишества в удовольствии – распущенность, достойная порицания, – мрачно заметила Эстель.

– В точку, – саркастично согласился мужчина, высккивающим взглядом осматриваясь по сторонам.

Все в нем вызывало отторжение: одичалый внешний вид, напыщенные манеры, показная бесшабашность. В сторону Нины пахло перегаром и немывтым телом, вызывая тошнотворное отвращение, но за маской невозмутимости едва ли можно было об этом догадаться.

– Джеймс, это Нина, – представила Эстель.

На секунду он отвлекся, чтобы высокомерно смерить гостью с головы до ног, и раздраженно ответил:

– Да мне плевать.

Нина как будто не заметила его грубости. Ей казалось, что проскальзывало в дерзости Джеймса что-то нарочитое, фальшивое. Нужно быть до ужаса наивной, чтобы поддаться на столь провокационное поведение.

Тем временем Джеймс приблизился к Агнес и схватил виски. Налил немного в ее же стакан, опустошил до дна.

– Может, сыграем партию? – предложила Агнес, не отрываясь от пасьянса.

– Карты – оружие дьявола, дорогая, – Джеймс прихватил виски и направился к выходу. – Завязывай, – не оборачиваясь, добавил он.

– Очень смешно, – язвительно бросила тетюшка вслед.

– Ни капли.

Ничто не спасало скверное впечатление от знакомства. С таким «другом семьи» Нина предпочла бы не иметь ничего общего. Априори невыполнимое желание – теперь их с Джеймсом как минимум объединяла одна крыша.

– Кто это был?

– Местный грубиян, – махнула рукой Эстель. – Не обращай внимания.

– А у вас не соскучишься, – Нина поняла уклончивый ответ тети как отказ говорить о Джеймсе, поэтому настаивать не стала.

– Сволочь. – Агнес сообразила, что приятель увел у нее из-под носа выпивку и негромко выругалась.

– Ты, должно быть, утомилась с дороги, – мягко улынулась Эстель.

Под влиянием ее слов и вина Ниной вмиг овладело ощущение невероятной усталости.

– Да, пойду я, – ей так сильно захотелось окружить себя тишиной, но, кажется, Джеймс ко сну не готовился.

Агнес заметила озадаченный взгляд племянницы, прикованный к потолку:

– Не переживай, пара подзатыльников – и он уймется.

«Интересно на это посмотреть», – тетушка едва ли доходила Джеймсу до плеча. Но пришлось уgomонить воображение тем, что подзатыльники, скорее, фигуральны, и отправиться наверх под звуки музыки.

Там, к несчастью, Нине предстояло обнаружить, что Джеймс жил в комнате напротив. За закрытыми дверями Оззи Осборн вопрошал: «Мистер Кроули, вы не прокатитесь на моем белом коне?».¹

В изнеможении Нина упала на кровать. Энергии хватило ровно до конца песни, а затем сон нежно увлек за собой. Ей снилось, как она играет в карты с Джеймсом, только наутро уже не помнила, кто выиграл.

¹ Ozzy Osbourne – Mr. Crowley, 1980.

Глава 2

Старый «Шевроле», Dzhermein и немного о соседях

Утро омрачили серые стены. Открыв глаза, Нина почувствовала их давление. И более того, – нависшего над городом пасмурного неба.

Комната окнами выходила в тенистый двор. Сквозь заросли колючего шиповника виднелся извилистый узор глинистых тропинок в компании черных кованых скамеек. Среди высохших деревьев поодаль возвышалась мраморная статуя плачущей девы в зеленой плесени. Совершенно необыкновенным образом она совмещала в себе благоговейную покорность и неукротимую силу. Глядя на вознесенный к небу лик, Нина вздохнула, словно вместе с каменной мученицей ощутив на собственных плечах всю тяжесть свинцовых облаков.

Горячий душ на какое-то время позволил забыть о суровом крае, однако позже Нина обнаружила, что ее скромный гардероб очень слабо вяжется с местным климатом, и пришлось вновь вспомнить, что такое Порт-Рей – сырой туманный город, вечно покрытый слоем холода и промозглого мрака.

Равно как и «Барнадетт» не был оплотом уюта. Покинув комнату, Нина вновь окунулась в гнетущую атмосферу давно заброшенного отеля: устаревшая отделка, пожираемая мертвенно-белым светом окон, спертый воздух, томительное безмолвие. Последнее развеялось, как только она вышла на лестницу. Именно здесь гробовую тишину колебали приглушенные звуки ругани, доносящиеся из-за дверей гостиной.

Нина замерла на ступеньках и напрягла слух, заведомо зная, что без контекста мало что вынесет из конфликта.

– Думаю, на этой ноте наш спор можно считать закрытым! – раздался раздраженный голос Эстель.

– Ничего подобного! – гневно возразил Джеймс. – Раз уж мы перешли на личности, Люциус, может, поделишься с нами, где ты обычно пропадаешь?

– Как будто узнав, ты начнешь мне доверять! – рявкнул Люциус. – Проживи мы хоть сто тысяч жизней, ни в одной этого не произошло бы!

– Так заслужи.

– О, дьявол! Я устал каждый раз слышать это.

– Каждый раз? – в возмущении Джеймса скользила насмешка. – Мы впервые об этом говорим, шизик. Тебе давно пора голову проверить.

Джеймс вылетел из комнаты внезапно. Громко хлопнул за собой дверью и напряженной походкой поднялся по лестнице. Выглядел он еще хуже, чем накануне, точно всю ночь не спал. Лицо его приняло болезненный вид, – кожа отдавала слабым серым оттенком, под глазами образовались темные круги. Непотребное состояние рубашки говорило о том, что она нуждается в хорошей стирке, а вьющиеся от жира волосы – в мыле. Черными патлами они обрамляли высокие скулы, мешались с растущей бородой. Разъяренная гримаса, перекликающаяся с видимой усталостью, до того испугала Нину, что она судорожно вцепилась в перила. Но Джеймс пронесся мимо, не удостоив ее даже взглядом.

Вслед за ним гостиную покинула Эстель. Заметив племянницу, она тут же сбросила бремя черных раздумий и выпрямилась. Сделала вид, что никакой ссоры не случилось:

– Как ты смотришь на то, чтобы поехать в город, как только Агнес починит машину?

– Положительно, – коротко ответила Нина. Докучать любопытством в делах, ее не касающихся, было против собственных правил.

Гараж резко выделялся на фоне «Барнадетт». Во-первых, он был возведен поодаль от особняка. Во-вторых, тот, кто отвечал за его строительство, хоть и подобрал уместный серый

камень для стен, но совсем не учел скошенную крышу со стеклянными вставками, которая никак не вписывалась в старинную концепцию участка.

Внутри Агнес дала себя обнаружить сразу же. Из-под красного «Шевроле» 1957 года раздавались отборные тетушкины ругательства.

Невысокий, но просторный гараж ожидаемо оказался завален грудями хлама: сломанной мебелью, бельем, книгами, коробками с фарфором и даже картинами, которым не нашлось места в интерьере отеля. Здесь же отыскиались и довольно любопытные вещи: бильярдный стол с шарами, черный мотоцикл без переднего колеса. Огромная вывеска, тянувшаяся вдоль стены. Сквозь вуаль паутины и пыли в ней узнавалась надпись «Барнадетт». Фантазия пробудила картину: много лет назад именитых гостей со всей страны встречали округлые завитки букв, роскошные дубовые двери с золотыми львами и музыка тромбонов вперемежку с клавишными...

– Будет летать, как новая, – голос Агнес прервал красивый вымысел. – Но гарантий не даю, – тетушка оценивающе смотрела на машину, вытирая руки о рабочий комбинезон.

– Лучше бы ехала, – недоверчиво покачала головой Нина. Возраст «Шевроле» близился к четвертому десятку как-никак.

Порт-Рей отличался тремя вещами: прямым расположением у моря, уютными кирпичными домиками не выше четырех этажей и сонным настроением. Время здесь словно остановилось. Горожане никуда не торопились: одни еле волочили ноги по тротуарам, другие лениво играли в шашки на гнилых террасах, третьи вовсе выпивали. Человек в поношенном поварском кителе вскрыл зубами бутылку пива, не покидая входа в пекарню; кажется, к мучному местные жители страсти не питали.

Проезжая мимо десятка выцветших вывесок, Нина едва смогла прочесть половину. Витрины и таблички заведений не обновлялись годами, – ни слова не разобрать. Повезло обывателям, знавшим каждый дом наизусть.

– Чем ты занималась раньше? – поинтересовалась Эстель, не сводя с дороги глаз. Для выхода в город тетушка обвязала голову платком и надела темные очки, хотя затянутое непроглядными тучами небо исключало появление солнца.

Вопрос оказался не из разряда «сто поводов гордиться собой», но и врать Нина не стала:

– Разносила пиво в баре «Континент», – за немногословным ответом крылось столько сальных историй, что она интуитивно покосилась на тетю в ожидании неодобрения. Но лицо Эстель оставалось непроницаемым:

– С местными барами все обстоит куда хуже. Не советую в них соваться.

Нина поверила на слово.

Машина остановилась у заведения с названием «Джермэйн» (определенно через «Д»). Отделанный темным деревом фасад выгодно красовался на фоне прочего городского безобразия. За высокой стеклянной витриной проглядывался зал, настолько маленький, что располагал всего одним столиком на две персоны.

Внутри «Джермэйн» встретил манящими запахами кофе и имбирного печенья. Аккуратность и безупречный вкус Эстель чувствовались во всем: тонкие нити гирлянд украшали стены, опутывали стеллаж со стеклянными кофейными банками, на квадратных полках стояли декоративные десерты, точно экспонаты, а прилавок был облицован керамогранитом, имитирующим древесину, – выложенная «елочкой» плитка добавляла помещению современного лоска.

О любви Эстель к кофе порой напоминал отец. В голове Нины внезапно зазвучал его сварливый голос: «Терпеть не могу кофе, у меня от него изжога. Эта отравка под стать твоей тетке». Поэтому кофейня в собственности Эстель воспринималась как дело само собой разумеющееся.

– Марго, не спать! – тетушка подвинула на прилавке пышный фикус, рассекретив присутствие сотрудницы.

Девушка скучающе перевернула страницу глянцевого журнала и томно закатила серо-зеленые глаза. Марго не выглядела, как типичная жительница Порт-Рея – города, который практически не видел солнца. Она обладала смуглой кожей с золотистым оттенком и ярким румянцем на щеках. Каштановые кудряшки прямо-таки светились здоровьем и были стянуты узорной банданой.

– С завтрашнего дня Нина – твоя напарница, – объявила Эстель почти начальственно. – Научишь всему, что необходимо.

Марго неспешно и даже с неохотой отодвинула журнал. Равнодушным взглядом она изучала протезы Эстель, пока наконец не спросила:

– Это твои настоящие волосы?

Простой, но неожиданный вопрос поставил в тупик. Смешно и одновременно абсурдно было осознавать, что Марго могли прельстить косы не самого выразительного мышинового цвета.

– Да, – обескураженно выдавила Нина.

– Понятно, – под носом Марго надулся розовый пузырь жвачки, и она бесцеремонно вернулась к статье «Модные образы для успешной женщины».

Домой возвратились к обеду. На улице к тому времени заметно потемнело. Как только Нина вышла из машины, ее обдало ошеломляюще холодным ветром. Она опасливо взглянула на черный горизонт, и в следующую секунду его рассекли серебристые зигзаги молний. Издалека донеслись громовые раскаты.

Но человека во дворе нисколько не беспокоили запугивания погоды. Он был явно не из тех, кто бежит от грозы.

– Добрый день, Грейсон, – поприветствовала Эстель.

Не заметить его было невозможно, выглядел мужчина внушительно – крепкое телосложение, широкие плечи, взъерошенная темная стрижка с укороченными висками и татуированная лавровая ветвь на мощной шее. Испачканный сажей, Грейсон увлеченно орудовал в мотоцикле без колеса и топливного бака, и если с «Харлеем-Дэвидсоном» Нине уже довелось отдаленно познакомиться, то механика она наблюдала впервые.

Он был своеобразно красив: грубые черты, исполненные суровостью, притягивали мужественным видом. Небритый подбородок упирался в воротник спортивной куртки и имел форму, которую обычно называют «волевой». На носу глубокий рубец, точно кто-то полоснул ножом по лицу, однако выделялся в этой отметине какой-то неподражаемый шарм. Глаза цвета оникса остекленело поблескивали, и лишь искренний интерес к делу придавал им жизни.

В целом он был похож на человека, который без раздумий свернет любому башку.

Подле Грейсона негромко звучал радиоприемник. Механик угрюмо вторил под нос Билли Айдолу, мыслями находясь где-то далеко. Нависшая тень Эстель заставила его прервать ремонт.

– Слышал, у нас гостя, – Грейсон поднялся с корточек, демонстрируя высокий рост. – Нина, верно? – Он вытер руки о тряпку и протянул левую.

Радушная улыбка смягчила его жесткое лицо и мгновенно расположила к себе, отчего Нина без раздумий пожала шершавую ладонь.

– Я – Грейсон, садовник, – на полном серьезе представился он.

И это не могло быть правдой. Едва ли запущенный двор знавал руки профессионала. Не найдя связи между сказанным и реальностью, Нина глупо усмехнулась:

– Seriously?

Грейсон поймал желанное замешательство и рассмеялся:

– Да я шучу.

Кто бы сомневался.

– Грей! – из окна первого этажа высунулась рыжая голова Агнес. Тетушка жестом указала на запястье.

Грейсон тряхнул кистью, высвободив из-под рукава часы, – корпус из пластика, стилизован под серебро. Механик поднес циферблат к глазам, и на внутренней стороне руки показались засохшие пятна крови. Только Нина успела задаться вопросом ее принадлежности, как Грейсон опустил рукав.

– Строишь автогонки? – поинтересовался он, сохранив тайну высохших потеков.

– Увы.

– Жаль, – покачал головой Грейсон. – А вот мне пора сворачиваться, а то Несс не простит, если я пропущу. Приятно было познакомиться.

В дружелюбии ему не откажешь. Нина ободряюще улыбнулась в ответ и поплелась за Эстель в дом.

Остаток дня Нина изучала особняк. Вердикт оставался неизменным: выдержанный в духе классики, он выглядел по-старомодному скучно. С общего балкона на втором этаже открывался вид на Порт-Рей. Отсюда город казался совсем крохотным. Прищурившись, Нина почти смогла уместить его на ладонь. Такой дикий, мрачный, по-своему чарующий Порт-Рей с размеренной провинциальной жизнью... Надо признать, он глубоко запал в душу. Редкое явление для столь гиблого края.

Прохаживаясь по коридору, как по выставочному залу, Нина рассматривала рамы со Стелманисами. Особая холодная наружность предков лишала портреты красок. Наглядное пособие по смешиванию всевозможных оттенков серого, не иначе. Никому на свете так не шла бледность, как утонченным лицам Стелманисов. Живое тому доказательство – Эстель.

«Знакомство» с родственниками привело Нину в почти восторженное состояние духа. Словно в ее многолетнем одиночестве вдруг начал проклевываться какой-то свет. Но ощущение длилось недолго. Его быстро сменило новое, необычного происхождения. Будто она была под чьим-то зорким взглядом.

Пытаясь отвлечься от навязчивого шестого чувства, Нина пристальнее вгляделась в изображение статной женщины; черты портрета упрямо размывались на фоне нарастающей тревоги. Убеждение, что кто-то тихо дышит в спину, только усилилось, по коже засновали мурашки. Нина резко обернулась в надежде застать наблюдателя врасплох. Но обнаружила лишь пустую стену покрытого мраком коридора.

Ночью ей привиделся сон, будто находилась она в запертой комнате среди белых стен, и по какому-то странному наитию ее тело вело к двери само собою. О том, что это был именно сон, Нина тотчас догадалась, как только увидела в палате ныне покойного дядюшку Сэма. Он лежал на больничной кушетке живее всех живых и ухмылялся.

Это был мужчина лет сорока, коренастый, но с худощавым лицом. Светлые волосы свешивались до плеч; под тяжелыми взъерошенными бровями горели ярко-голубые глаза, поразившие воображение Нины с самого детства, – и во хмелю, и в трезвом рассудке они оставались добрыми. Забавно, ведь Сэм никогда не пытался казаться добряком.

– Ты мертв, – угрюмо сообщила ему Нина.

Хищную улыбку сменило возмущение:

– И что мне теперь, исчезнуть, как будто меня никогда не существовало? – Сэм капризно выпятил губы и размашистыми движениями скрестил руки на груди. Мгновение – и его выражение вновь стало обыденно хищным. Он не имел привычки обижаться.

Не зная даже, что ответить ненастоящему Сэму, Нина вновь обернулась к двери и заглянула в отражение стеклянной вставки. Там ее встретило измученное побоями лицо и потухший безмолвный взгляд. За спиной, у решетчатого окна сидел кто-то недостижимый глазу – строй-

ный, размытый силуэт с темной головой. Нина знала, что немой демон находится тут довольно давно, и уже приняла его присутствие как неизбежность.

– Почему мы здесь? – Нина обернулась вокруг, осматривая антураж больничной палаты.

– Не знаю, мне плевать, – пожал плечами Сэм. – А вот ты, девочка, вляпалась в большие неприятности.

– Все неприятности в нас самих, – она храбрилась перед Сэмом, ведь на ее месте он сказал бы то же самое.

– Чему-то я тебя все-таки научил, отрадно. Но есть вещи, которые от тебя не зависят.

Кожей Нина ощутила близкое присутствие молчаливого демона. Ухо вдруг обожгло горячим дыханием, и шепот отдал приказ. Она не обратила взор на повелителя, а заворуженно наблюдала, как ее отражение приставило к собственному виску револьвер. И, что страшнее, картинка из стекла подражала реальному положению вещей, – один выстрел отделял Нину от смерти. Такова была воля демона, ставшая сильнее человеческой.

За стеклом замелькали тени. Кто-то рвался открыть дверь с той стороны, но одного рвения ему не хватало. Он мешкал, теряя секунды драгоценного времени. Палец Нины лег на спусковой крючок.

– Рад был повидаться, – с несвойственной грустью в голосе Сэм похлопал ее по плечу и оставил один на один со смертью.

С треском распахнулась дверь. Голову разорвал оглушительный выстрел, и мир исчез до того, как Нина увидела человека на пороге.

Задыхаясь, она рывком вынырнула из сна. В ушах стоял собственный визг и сдавленные записки Scorpions. Преодолев сонное головокружение, Нина добралась до часов. Полпервого ночи. Она плюхнулась лицом в подушку и застонала. В голове путались обрывки какого-то страшного сна, но как Нина ни силилась, вспомнить не могла. Сколько ни пыталась ухватиться за детали, все они ускользали из ума подобно шустрим змейкам. Сон напрочь развеялся из памяти, и уже сложно было сказать, что именно ее пробудило – туча мохнатых пауков, падение с небоскреба или ее бывшая соседка Додвелл – женщина крайне неприятной наружности...

С соседями в целом Нине как-то не везло.

С минуту она тихо стояла под дверью Джеймса, скованная нерешительностью и сонной одурью. Наконец, пересилив себя, Нина дала ему дослушать припев на словах «я всего лишь хочу быть любимым тобой» и с силой постучала.²

Джеймс долго ждать себя не заставил. Он встал на пороге и с важным видом привалился к дверной раме, заслонив собой комнату. Рассеченный застарелыми шрамами торс ничем не прикрыт, волосы убраны в узел на затылке. Джеймс скрестил руки на груди и, сжимая во рту зубочистку, уставился на Нину невыразительным взглядом, в котором не было ни грамма интереса. В носшибанул запах перегара.

– Я сочувствую твоим переживаниям, но, может, любовные баллады подождут до утра? – не сводя с него глаз, процедила Нина. Слова прозвучали вдвое жестче, чем она рассчитывала.

На лице Джеймса отразилась смесь усталости и раздражения, словно перед ним стояли свидетели Иеговы и в десятый раз за день пытались убедить прочесть Библию. Он перегнал языком зубочистку к противоположному уголку рта и захлопнул дверь, ответив не иначе как отказом.

Решив, что бороться с Джеймсом бессмысленно и невозможно, Нина с чувством поражения вернулась в кровать и накрылась с головой одеялом.

Но музыка смолкла, погрузив западную часть особняка в тишину.

² Scorpions – No One Like You, 1982.

Сквозь тьму и усталость Нина едва различила чей-то истошный вопль. Она хотела проснуться и выяснить, что случилось, но сон заволакивал обратно, не выпуская из пут. Утром все вели себя так, будто ничего не слышали, поэтому Нина списала странные звуки на видение.

Глава 3

Винсент, который много знал

Неделю погода терроризировала Порт-Рей проливными дождями. На море бушевал шторм. Даже из далеких окон «Барнадетт» было видно – высокие волны убийственны. Неутихающим маршем они следовали друг за другом, разбиваясь в пену о прибрежный песок. В то время как мятежная стихия грозила накрыть город, он утомленно показывал средний палец в ответ. Порт-Рей давно уже охладел к проказам межсезонья.

Нина стояла на крыльце перед ливневой стеной и минут десять смотрела, как Джеймс слоняется по двору без всякого скрытого смысла. Умылся дождем, разглядел дали, покурил под гаражным навесом, потом еще раз. Занятный персонаж, думала она, пытаюсь прикинуть его возраст. На первый взгляд, Джеймсу можно было дать лет тридцать. На второй – и того больше.

– До города подкинуть? – из дверей вышел Грейсон, на ходу просовывая руки в массивную кожаную куртку.

Нина вскинула усталый взгляд на тучи. Ответ был очевиден.

Джеймс бросил сигарету и раздавил подошвой. Утомился то ли шумом дождя, то ли бездействием, словом – решил вернуться в дом. Помимо закоренелого увлечения сигаретами и алкоголем, с некоторых пор он обзавелся удивительной привычкой притворяться рядом с Ниной слепым. Не изменяя себе, Джеймс ушел в фирменном стиле: с каменным лицом и ложным убеждением, что Грейсон стоял исключительно в компании собственных мыслей.

– Похоже, я ему не нравлюсь, – Нина проводила Джеймса насмешливым взглядом.

– Ну и что? Я ему тоже не нравлюсь, – спокойно закурил Грейсон. – Характер у него такой, гадкий.

– Чем он занимается? – Мнение о Джеймсе пока складывалось скудное: он выпивал, бездельничал и показательно избегал ее, Нину Стелманис.

– Да знаешь, то тут, то там, – в голосе Грейсона звучала приятная слуху хрипотца. – Город, видишь ли, не первой свежести. Кому окна подлатать, кому проводку починить. Собираем заявки на разную работенку. Все знают Грейсона-Золотые Руки с напарником... как там его звать-то? – изображая забывчивость клиентуры, пошутил он.

Нина рассмеялась. Грей зажал в зубах сигарету и неодобрительно покосился на мрачное небо:

– Пора в путь.

К двадцати одному году Нина считала своим великим упущением отсутствие трех навыков: плавания, оказания первой медицинской помощи и вождения автомобиля. Поэтому ей приходилось вести себя осмотрительнее рядом с водоемами и острыми предметами, а до «Джермэйн» добираться с кем-то, кто имел в городе дела. Обычно это был Грейсон. Он держал автомастерскую в Порт-Рее и следовал графику кофейни Эстель.

Нина устроилась на пассажирском сиденье и принялась растирать замерзшие руки. «Шевроле» тетушки Агнес находился в свободном доступе для всех проживающих в «Барнадетт». Это ощущалось по запаху. Когда машину брала Эстель, в салоне оставался аромат дорожных духов и помады, после Несс – машинного масла (сбрызнутого духами Эстель) и сигарет. Грей пах кожей и мятой жвачкой. Порой улавливался штрих Джеймса – древесный, тяжелый запах, переплетающийся со спиртом и табаком.

Но был еще один запах, встречавшийся крайне редко и не имевший своего обладателя, – порох и железо.

– Так почему, говоришь, ты уехала из столицы? – не отрываясь от глянцевого страниц, осведомилась Марго.

Нина слегка пожалала плечами, хотя могла бы держать пари, что ничего подобного не говорила:

– Чтобы начать новую жизнь, – она ограничилась коротким ответом, решив, что ни к чему посвящать Марго в подробности семейной драмы.

– Ну и дура. Я бы все отдала, чтобы свалить из этой дыры в большой город. Там же столько возможностей!

– И какие ты бы использовала? – ничуть не обиделась Нина.

– Стала бы киноактрисой, – тряхнула кудряшками Марго. – У меня для этого хорошие внешние данные.

Нина намеревалась было ответить, что для работы на съемочной площадке нужно нечто большее, чем симпатичное личико, но рискуя встрять в долгую и нудную полемику, промолчала. Справедливости ради, личико у Марго действительно было приятным.

Работа в «Джермэйн» стала познавательным опытом. Сперва Нина узнала о пяти видах кофейных зерен, а там и о существовании тысячи сортов кофе (правда, Марго назвала всего шесть, а седьмое наименование так и осталось висеть у нее на языке). Нина тут же выдохнула, услышав, что со всей тысячей дела иметь не придется и достаточно знать хотя бы слово «арабика». Но кофейное меню от этого поражало не меньше: американо с молоком и без молока; капучино классический, капучино с карамелью, с корицей; эспрессо с шоколадом, взбитыми сливками, двойной эспрессо; ореховый латте, медовый, сливочный; горячий шоколад. Добавьте к этому сиропы, топинги и внезапное желание клиента смешать латте с американо, миндальным сиропом и взбитыми сливками. К счастью, невзыскательные жители Порт-Рея оригинальностью не отличались и, как правило, оставались верны классике.

Нина корпела над капучино с молочной пенкой, но это была совсем не та пенка. При всем желании взбить пену упругой консистенции, она получалась бархатистой и нежной, как первый поцелуй (Нина не брала на себя ответственность за достоверность сведений о первых поцелуях, почерпнутых из книг). «Пенка – это все, приготовишь неправильно – испортишь вкус», – со знанием дела твердила Марго, будто почетное общество любителей кофе пожаловало ей титул «Королева кофейной пенки». Ее слова так плотно засели в голове, что заставляли сомневаться в том, где грань между «испорченным вкусом» и «идеальной консистенцией».

Дегустируя очередной «шедевр» кофейного мастерства, Нина краем глаза уловила, как по ту сторону витрины вдруг поползли черные извилины. Она озадаченно склонила голову набок, наблюдая за тем, как старик в рыбацком дождевике размашистой струей баллончика выводил символы на стекле кофейни. Понадобилось время, чтобы узнать в отзеркаленных буквах слова «смерть демонам».

Престарелый вандал был похож на бездомного. Из-под полиэтиленового капюшона виднелась спутанная седая борода и лицо, не знавшее мыла. Закончив выходку, он встал под дождем и вперился в Нину глазами, полными ненависти. До того ненавидел, что забывал моргать. Настолько искренний и враждебный настрой незнакомца заставил на полном серьезе задуматься, не убила ли Нина однажды совершенно случайно кого-то, требующего отмщения?

– Марго, – она так растерялась, что на мгновение позабыла слова, – что он делает?

– Где? – Марго стрелой высунулась из-за журнала. – А, это! – облегченно протянула она. – Религиозные фанатики. Некоторые люди в городе не слишком жалуют Эстель и полагают, что их угрозы чего-то да стоят.

Марго выпрямилась из-за прилавка и закричала старику:

– Ну что, план на сегодня отработал, день прожит не зря? Давай катись к своим, пока я полицию не вызвала!

Он по-волчьи оскалился. Может, старик и не слышал Марго, но точно все понял по ее агрессивной жестикуляции и нехотя покинул позицию. Нина зачарованно смотрела, как по стеклу стекает черная краска.

– Моя покойная бабушка была из этих, – Марго плюхнулась обратно в кресло. – До самого гроба у нее оставались две коронные байки: ««Барнадетт» построен на костях сатанистов» и моя любимая, где Эстель день и ночь совокупляется с демонами. Зрелище, поди, еще то, – на ее лице появилась усмешка, – суть одна: если у тебя умер кот, начальник уволил с работы, а машину обгадили птицы, виноват «Барнадетт». Все беды в городе от него.

Марго поднялась с кресла и размяла спину:

– Пойду покурю, да надо бы убрать эту гадость. Если снова кто-то объявится, зови.

Оставшись наедине с кофемашиной, Нина пыталась осмыслить только что состоявшийся разговор. Она и прежде слышала о мистических историях вокруг отеля, но не могла подумать, что они имеют реальный вес. А кто-то умудрился найти в вымысле общего врага. Погрузившись в мысли, Нина даже не заметила, что на сей раз пенка у капучино вышла что надо. Над дверью зазвенел колокольчик, и девушка вздрогнула, первым делом подумав о возвращении старика. Но, подняв глаза, выдохнула. Не он. Однако посетитель казался не менее пугающим.

В кофейню вошел мужчина контрастной наружности – мертвенно-бледный, словно высеченный из мрамора, в черных одеждах. Угольные волосы мягкими волнами очерчивали безупречно гладкое худое лицо, смягчали острые черты. Его глаза напоминали стекло, в котором отражалось ярко-голубое безоблачное небо, но блеск их выглядел безжизненным. «Вампир викторианской эпохи», – подумала Нина. Облачен он был соответствующе: приталенное длинное пальто, галстук, затянутый на высоком воротнике рубашки; из-под классических брюк виднелись дорогие кожаные ботинки. В руках он держал трость с набалдашником из слоновой кости в форме черепа.

Нина смотрела на мужчину, как завороженная, настолько необычен был человек. Возможно, он принял это за проявление симпатии и ответил ей улыбкой. Кривой, жуткой до дрожи.

– Эспрессо, американо, капучино, как скучно, – осматриваясь по сторонам, промурлыкал человек и обрисовал тростью в воздухе дугу.

– А в ваших краях, полагаю, меню отличается особой экзотикой? – с невинной улыбкой парировала Нина, не веря, что среди местных встречаются столь эксцентричные личности.

– В моих краях кофе – особый вид искусства, – с гордостью в голосе сообщил он. – «Черный, как ночь, сладкий, как грех, горячий, как поцелуй, крепкий, как проклятие», знаете, кто сказал? Впрочем, о чем это я? Вы ведь тоже родом не из этих мест.

– Так сильно заметно? – она подозрительно приподняла бровь.

Человек приблизился. От его одежды потянуло терпким ароматом граната.

– Интуиция, – он взял из вазочки на прилавке бесплатную карамельку, с любопытством поднес к глазам и кинул обратно. – Так значит, «Барнадетт»? Охотно бы там остановился.

Нина собиралась было подловить его на излишне достоверной интуиции, но тут же представила, что человек просто-напросто мог заметить ее в компании Эстель. Уж где живет Эстель, кажется, никто не сомневался.

– Боюсь, это невозможно, – ответила она.

– Но не для ваших друзей.

Человек резко бросил на нее пронзительный взгляд. Испытывающий, волнующий в жилах кровь. Нина точно предстала перед ним нагой, оголив все: тело, душу, сознание. Человеку удалось ненадолго выбить ее из колеи, вывернув изнанкой ощущение слабости. Но слабость находилась в разных плоскостях с жизненным кредо Нины. Вспомнив об этом, она упрямо заглянула в его глаза, как смотрят в глаза страху, и сложила руки на груди:

– Знаете моих друзей? – Нина решила отыграть роль до конца.

– Возможно, – тонкие губы человека расплзлись в загадочной улыбке.

Внутри все кричало об опасности и умоляло незнакомца убираться подальше. Он был старомодно одет, странно себя вел и явно хотел напугать. И оттого казался интереснее.

– Как ваше имя? – Нина продолжала задавать вопросы.

– Винсент.

– Мне передать друзьям от вас привет?

– Не стоит, мы не настолько тесно общаемся.

Винсент замолк и оглядел зал так, словно пытался запомнить его во всех подробностях.

– Раз вам нечего предложить, кроме этого подобия меню, я откланяюсь.

Постукивая по полу тростью, он направился к выходу. Нина проводила чудного господина взглядом до самой улицы, так и оставив при себе молчаливое несогласие с «подобием меню». После встречи с Винсентом в ней появилась какая-то необъяснимая немощность. Она оперлась руками о прилавки и шумно выдохнула. Винсент знал кого-то из «Барнадетт», что-то в этом было увлекательное.

На редкость странный тип.

Путаясь в смешанных чувствах, Нина уставилась на витрину. «Смерть демонам». Черные ручьи краски бежали по стеклу, переливаясь из одной буквы в другую, как вдруг сложились в совсем иные слова:

Ducunt Volentem Fata, Nolentem Trahunt.

«Покорного судьба ведет, строптивного тащит», – без труда перевела Нина, будто всю жизнь владела латынью. Она протерла глаза и попыталась прочесть снова, но слова вернулись в исходное состояние, обретая ту же форму и смысл, которые пытался донести «защитник веры».

Бредовое видение хоть и не претендовало на подлинность, но неприятно смутило.

Как уязвимо человеческое восприятие, – чтобы обмануть его, достаточно немного поиграть с пространством.

Как легко человеческий мозг можно сбить с толку.

По ночам Нина не прекращала слышать крики, музыку и музыку, заглушающую крики. Убедившись, что звуки реальны, оставалось только догадываться, кого в доме мучили кошмары.

В лужах отражались фонари. Авель наступил на световую дорожку, заставив ее расплескаться в стороны и разойтись кругами. В тишине опустевших улиц раздавался топот ног по сырому асфальту и надсадное дыхание. Авель очень опаздывал.

Он влетел по крылечной лестнице одного из домов и четырежды постучал молоточком. Два раза быстро и два – с промежутком в секунду. Дверь приоткрылась, за натянутой дверной цепочкой показался человек. Его звали Молот. Но это было не совсем его имя, ведь правило первое гласило: никаких реальных имен, никаких должностей. К слову, от своего второго имени Авель был в восторге и даже гордился тем, что он, согласно Библии, занял место любимчика Бога. Мало кто мог похвастаться подобной изобретательностью, а ходить под ликом первого праведника и подавно. Зависть, да и только. Два раза в неделю Авель чувствовал себя кем-то значимым, после чего вновь с головой окунался в заурядную жизнь.

В общем, узнав Авеля в лицо, Молот со звоном сбросил цепочку и впустил брата внутрь. С порога запахло свечным воском, можжевельником и кексами с гашишем. Из внутренней комнаты слышалось негромкое хоровое пение.

Растерев ооченелые руки, Авель принялся шарить по карманам исхудалого пальто, пока в ладони наконец не блеснула горстка монет. Он сделал взнос в граненую хрустальную вазу,

дождался, когда монеты с характерным звоном достигнут дна, и поспешил пройти в зал, где уже начался обряд.

В комнате сгустился мрак, одолеваемый равномерным покачиванием свечных огней. На обшарпанном полу в кругу сидело человек тридцать, и все без имен, каждый называл себя в меру фантазии: Шторм, Берта, Арес, Оби-Ван и много-много других прозвищ, которые Авель не мог вместить в голову. В центре лежал человек без сознания, и немного подергивался. Вселившемуся в него демону явно было не по нраву священное пение. Ненавязчивым жестом Авель попросил Юпитера немного подвинуться, чтобы вклиниться в круг и подхватить молитву изгнания дьявола в синтезаторной аранжировке.

Ведомый каким-то предчувствием, Авель осмотрелся. Зал был обставлен аскетично: никаких диванов, никаких столов, раскинутые по стенам свечи выхватывали из мрака лишь очертания домашнего алтаря с пучками высохших веточек и зажженной курильницей, – плавно тянувшаяся волна сизого дыма била в нос травяными ароматами, в которых узнавался тот самый можжевельник и лаванда. Казалось, все осталось прежним с последнего приема, но Авель ощущал, что именно сегодня что-то изменилось. В кругу собравшихся он заметил новое лицо.

Совсем молодой парень, лет восемнадцати, похожий на скелет. Ей-богу, казалось, что стоит дотронуться до юноши, да что там дотронуться, дунуть в его сторону, как он развалится, рассыплется, распадется на отдельные части. Его острые кости туго обтягивала бледная кожа, глубоко впалые глаза лихорадочно бегали по комнате, а тонкие запястья были перевязаны застарелыми бинтами, – увидев его, сама смерть поежилась бы с перепугу. Потерянным взглядом парень смотрел на поющих, явно не зная слов. В попытках изобразить деятельность он лишь покачивался в такт с остальными. «Наверняка даже взнос не оплатил», – фыркнул про себя Авель.

Человек в центре круга зашелся безумным, надрывным криком и забился в судорогах, испуская изо рта пену. Чем сильнее он дергался, тем больше укреплялась всеобщая убежденность в происках нечистой силы. Юноша, которого так пристально разглядывал Авель, буквально был поражен изумлением, – ему впервые довелось наблюдать обряд очищения души от дьявола. Авель злорадно ухмыльнулся, гоня воспоминание, как сам, впервые увидев подобное, чуть концы не отдал со страха.

Пение смолкло. Еще с минуту одержимый дрожал всеми мышцами, а затем резко обмяк. В распахнутых глазах навечно застыл непередаваемый ужас, – он умер с пеной на губах и обмоченными штанами.

– Еще одна освобожденная душа вознеслась к Всевышнему.

Из круга поднялся невысокий человек с курчавой шапкой белых волос. Он был поразительно похож на одного из тех купидонов, которых печатали каждый год на открытках ко Дню влюбленных. Человек называл себя Вимоном, в честь священника Вимона – фигуры очень значимой для верующих Порт-Рея. Но тот Вимон, что стоял сейчас в центре круга, был больше, чем рядовым служителем церкви. Он значился пророком, исполняющим обязанности ангела на Земле. Ангел говорил с самим Богом и передавал его волю: отказаться от роскоши и богатства, молиться трижды в день, сидеть на диете из овощей, круп и Святого Духа. И, что важнее, Вимон был единственным в городе, кто не боялся противостоять тьме. Он взрастил в умах последователей горящую веру в очищение, которая направляла, точно огонь маяка. Знакомство с ангелом стало для Авеля знаменательным событием, ведь только тогда он понял, что вера не позволит жизни разлететься на куски, скрепит ее благой целью.

Когда начинал говорить Вимон, все замирали со вниманием и трепетом, ибо «тем, кто ангелу не внемлет, дорога в ад». Поэтому, стоило ему возвыситься, как зал охватила гробовая тишина, – в ад никто не хотел, там душно, шумно и кексики с гашишем вряд ли пекут. А про

нескончаемые муки даже думать не хотелось, – уж Авеля в преисподней наверняка ожидали тонны вечной бюрократической работы.

– Бог. – Гордо произнес Вимон. – Бог все видит. Прямо сейчас он наблюдает за нами, вкушает нашу любовь и открывается в ответ...

– Но что есть Бог? – внезапно вклинился новенький, которого Авель мысленно нарек Скелетом.

Вимон обратил на Скелета взгляд, ни капли не смущенный тем, что его перебили:

– Мы не знаем его имени. Не знаем, как он выглядит. Не знаем, откуда он появился. Бог – это все вокруг нас и одновременно ничего. Отдайся ему любовью преданной, и он ответит тебе тем же, – на этих словах ангел повернулся вокруг себя, заглядывая в лицо каждого брата и сестры. – Мы любим Бога, но он все еще крайне разочарован нами, – по лицу скользнуло виноватое выражение. – Он очень недоволен тем, что на протяжении долгих лет наш город отравляет дьявольская скверна. И источник ее – «Барнадетт».

– А что там, в «Барнадетт»? – вновь не удержался Скелет.

Но Вимон и в этот раз не растерялся:

– Обитель тьмы. Очень древняя и опасная. Охраняемая Стелманисами – одним из старейших родов Порт-Рея. Какое-то время там был отель – греховное царство для совращения душ, где вино лилось рекой, а люди находили отраду в распутстве...

– Что же произошло? Неужели, правда, проклятье? – Скелет с такой бесцеремонностью прерывал Вимона, словно пытался обойти ангела в телевизионной викторине «Кто быстрее даст ответ», надеясь получить в приз кухонную утварь. Дивясь его назойливости, Авель возмущенно скрестил руки на груди.

– Гнев Господа. – С достоинством внес ясность Вимон. – Бог противостоял тьме, уничтожил грех и дал нечестивым второй шанс. Но разве что-то изменилось? Зло по-прежнему среди нас, – он бросил пренебрежительный взгляд на бездыханное тело. – Зло стоит наказать. Я верю, что именно к этому готовит нас Бог. К достижению высшей цели. Осталось дожидаться знака. Ты хочешь знать, что сейчас в «Барнадетт»? Кости и кровь, жертвоприношения и боль...

– Почему полиция не занимается этим? – не унимался Скелет.

Теперь уже настала пора Вимону раздраженно закатить глаза. Слово «полиция» действовало на него, как красная тряпка матадора на быка. Служители закона в этих стенах благорасположением не пользовались. Закон в целом не соотносился с истинной войной между добром и злом.

– Ясное дело, почему, – сердито нахмурил брови ангел, – колдовство Эстель обеспечивает дому неприкосновенность.

На худом лице Скелета появилось недоумение, будто он сомневался в услышанном. Но Вимона это не слишком беспокоило:

– Думаю, самое время прочесть молитву изгнания дьявола. Бог должен видеть нашу солидарность. Нашу готовность бороться с демонами и впредь...

Глава 4

Поверженные ангелом и ложью

– Вы не держите горничную? – спускаясь по лестнице, Нина провела рукой по тонкому слою пыли на перилах.

– Иногда к нам приходит Рита. Этого достаточно, – рядом шла Эстель, элегантно придерживая полы платья. – А вот и она, – тетушка тут же среагировала на стук дверного молотка.

Долговязая девушка в холле принялась бороться с пуговицами клетчатого пальто. Неуклюже стянула узорную шапочку, и по плечам заструился каскад рыжих с золотом волос, которые горничная тут же перехватила тесемкой. Рита была не слишком старше Нины; с милым, курносым лицом, испещренным веснушками, и ямочками на щеках. Беспечная радость в больших голубых глазах изобличала легкомысленность, граничащую, скорее, с фривольностью, что отозвалось в груди Нины растущим раздражением.

– Нина, познакомься с Ритой, – обычно Эстель тонко улавливала настроение племянницы, но в этот раз их ментальная связь дала сбой.

– Мне в ее услугах нужды нет, – плохо скрывая неприязнь, ответила Нина. Театральный оскал горничной приводил ее в холодное бешенство.

Эстель бросила на племянницу осуждающий взгляд. Подобным образом тетушка смотрела на младшую сестру, когда хотела воззвать к ее совести. Но проявление характера Агнес не избежало легкого порицания даже без присутствия самой Агнес.

– Серьезно? – с задором переспросила Рита и повесила пальто на крючок. Ее беспричинное веселье создавало впечатление, что она человек недалекого ума.

– Просто будь добра, держись от моей комнаты подальше...

– А то рискую найти что-то непотребное?

– Ага, кулак промеж глаз.

Эстель возмущенно кашлянула, собираясь что-то сказать, но урок хороших манер ненароком прервало появление Грейсона и Джеймса. Оба одеты в рабочее, только вернулись с заказа в городе. С улицы в дом потянуло запахом мокрой хвои.

– Привет, мальчики, – зазвенел колокольчиками голос Риты.

Нина ощутила неожиданный укол ревности.

– Здравствуй, Рита, – устало махнул Грейсон.

Джеймс молчаливо прошел мимо. Уголки губ горничной разочарованно опустились, и Нину охватило злорадное удовлетворение. Привкус гадости хоть и щипнул стыдливо приличия ради, но определенная ложка сахара оставила внутреннего демона сытым.

Утешенная этим, Нина отправилась к себе. Она так и не успела обжиться в комнате, развороченная обстановка выглядела как последствия урагана и требовала неотлагательной уборки.

Но гнетущее, уже знакомое ощущение подкралось внезапно.

Оно не сопровождалось ни звуком, ни ветерком, но превосходно замечалось встревоженным нутром. Нина закрыла глаза, прислушалась к чувствам. Кто-то стоял за спиной и выжидающе смотрел на нее. Как хищник, подглядывающий за жертвой. В висках зашумела кровь. Уверенная в промахе интуиции, она рывком обернулась. Из темного угла Нину изучали два желтых глаза.

Они левитировали в тени, потеряв носителя. Золотые радужки сощурились в пренебрежении. Каждый хотя бы раз в жизни видел демоническое лицо в обыденных вещах: на складках занавесок, в пригорелых блинчиках, ковровых узорах, – но эти глаза были определенно иного толка.

Нина ощутила ужас. Она вздрогнула и пошатнулась, теряя под ногами пол. Оцепенение сковало разум, принудив беспомощно смотреть на золотые огоньки.

Но стоило раз моргнуть, и угол опустел.

Пытаясь унять частое сердцебиение, Нина бегло осмотрелась. От признаков другой жизни сохранились только воспоминание и общая смятенность, – оставалось разве что усомниться в психическом здравии. Виной могли быть слабость мышления, последствия стресса...

И только какая-то небольшая часть разума уговаривала поверить собственным глазам.

Новая рабочая неделя ознаменовалась тишиной, за весь день порог «Джермэйн» не переступил ни один посетитель. Марго выложила на прилавок стопку журналов и принялась вырезать атрибуты успешной жизни для «карты желаний». Между заграничными достопримечательностями и красивыми мужчинами оставались белые просветы, и теперь ножницы вели напряженную борьбу с тонким узором алмазного колье, которое Марго пыталась «украсть» с шеи фотомодели.

Нина погрузилась в себя, почти слепо рисуя ручкой на кассовых чеках. В подтекших набросках узнавались очертания «Барнадетт», «Харлея» Грейсона. Горящих глаз в углу комнаты. К художественным наклонностям она всегда относилась прохладно, находя их не более чем неплохим способом заглянуть внутрь себя. Как плавно тянулись линии на бумаге, так размеренно текли ее мысли.

Нина терзалась сомнениями уже не один день. Она видела что-то не из этого мира, но отказывалась принять это. В какой-то момент борьба со здравомыслием стала настолько утомительной, что Нина спросила у тетушек-сестер: что делать, если мир вокруг вдруг стал безумен?

«Когда воюют ум и сердце – обратись к молитве», – ответила Эстель.

«А лучше – прикончи бокальчик красного», – завершила Агнес.

Для Нины не существовало религии. Если Бог и был, то наверняка его список дел ограничивался двумя пунктами: «нежиться на подушке из облаков» и «как можно точнее плюнуть в Нину Стелманис», потому что ничего, кроме испытаний, Господь ей за всю жизнь не послал. Однако в глубине души продолжала теплиться вера в нечто, не имевшее объяснения.

Быть может, в безграничные силы мироздания?

Нет-нет, пяти органов чувств точно было недостаточно, чтобы начать общение с Вселенной. И раз ничто не могло дать ответы, Нина решила положиться на шестое, – оно подсказывало, что Эстель знает, где в городе найти покой.

Закончив расписывать очередной чек видами Порт-Рея, Нина бросила его к остальным рисункам в банку для чаевых. Стоит ли вообще говорить, что, кроме мусора, никаких чаевых там отродясь не было? Она надела куртку и покинула кофейню без объяснений. Марго особого любопытства не проявляла, уже за это к ней можно было проникнуться симпатией.

По городу Нина шла неторопливо, наслаждаясь редким безоблачным днем. Полупустые улицы создавали впечатление, что бескрайние просторы ясного неба заставили жителей с непривычки попрятаться по домам. Вскоре на горизонте заблестела водная гладь, а близ набережной показалась портрейская святыня. Грудь заполнил бодрящий морской воздух.

В общем виде храм смотрелся скромно – невысокий, из белого камня; серебряные кресты отражали осеннее солнце на пикообразных башнях. Холодные лучи света крались сквозь цветные витражи в стрельчатых окнах и согревались в свечах залы. Внутри купол опирался на каменные колонны, соединенные заостренными арками; проемы открывали фрески на стенах. Были ли они библейскими или содержали апокрифические сюжеты – можно было только догадываться. В нишах за алтарем мраморные скульптуры умиротворенно вкушали божественное

присутствие с тонким, сладковатым ароматом ладана. Атмосфера храма располагала к тому, чтобы поставить весь мир на паузу и заглянуть в себя.

Нина нашла свое место у фрески – златокрылый ангел бил в грудь рогатое чудовище не то копьем, не то снопом божественного света. Чем дольше она смотрела на нее, тем больше поддавалась очарованию. Словно ища у ангела поддержки, Нина не могла отвести от него глаз: какое внушительное смелое лицо, какие чудесные белые с золотом одеяния, – все вызывало трепет.

– «Ангелом сраженный», неизвестный автор, четырнадцатый век.

Глубокий голос эхом ударился о каменные стены. Нина вздрогнула. Рядом с ней стоял высокий холеный мужчина лет пятидесяти в черной сутане и с молитвенником в объятиях.

– Отец Габриэль, – представился он.

– Нина, – через паузу добавила, – Стелманис.

– А, родственница Эстель, – задумчиво проговорил служитель церкви.

– Тоже верите в эти сказки про особняк?

– Нет, – на его лице появилась легкая тень улыбки, – но хочу, чтобы вы знали: легенды на пустом месте не рождаются.

– Что вы можете об этом рассказать?

– Взгляните туда, – Габриэль указал на одну из скульптур в конце зала. – Отец Вимон, тринадцатый век, времена активной борьбы с ересью. Церковь изгоняет дьяволопоклонников из города. Угадаете, где было найдено их пристанище?

– На холме.

– Верно. В манускриптах упоминаются обряды с жертвоприношениями, которые регулярно проводились в том месте. Понимаете, во имя кого.

– Убивали домашний скот?

– Людей, – холодно поправил Габриэль. – Кровью умерщвленных последователи культа омывали руки, лицо, после чего переходили к ритуальным песнопениям. Недобрые это обряды. «Барнадетт» построен буквально на трупах. Знаете, сколько костей было найдено, когда закладывали фундамент? А сколько еще осталось?

Он ненадолго замолк, словно дал Нине время подумать над ответом, а затем закончил:

– Отсюда и пошла дурная слава.

Нина вновь вскинула глаза на «Ангелом сраженного».

– Он существует? – кивнула она в сторону фрески, – дьявол?

– Есть лишь Бог, – твердо ответил Габриэль. – Ни в кого другого я не верю.

Сумрачную гостиную «Барнадетт» наполняла богатая, но устаревшая мебель. У дальней стены пылал камин, – рыжие отсветы зыбкого пламени скользили по высоким полированным стульям, очерчивали диванчики, по-компанейски смотрящие друг на друга, отскакивали от позолоченных подлокотников. В простенках между окнами стояли декоративный стол из стекла, зеркало и старинное черное фортепиано с пожелтевшими клавишами. С потолка спускалась огромная люстра, – в хрустальных подвесках играли огненные блики, рассыпаясь причудливыми искрами на потолке.

Нина устроилась с книгой на диване, но чтение не шло. Она то и дело украдкой следила поверх страниц за собравшимися. На пушистом коврик у камина Грейсон пытался обыграть Агнес в карты. Задумчивая морщина на переносице свидетельствовала об абсолютной серьезности его намерения.

Джеймс брал у Эстель уроки музыки. Его противостояние с фортепиано выглядело умирительно и дико, но Джеймс показывал себя старательным учеником. Под бдительным руководством Эстель он вел сентиментальную мелодию, пока его пальцы раз за разом не промахивались мимо нот. Он ругался и начинал заново. Им двигал особый азарт. В очередной раз спутав

«ми» и «ре», Джеймс всплеснул руками и матерно выразился. Эстель оставила его слова без комментариев и вместо этого перехватила клавиши. Гостиная заполнилась музыкой – плавный, нежный мотив постепенно перетекал в более настойчивый и тревожный, чаруя своей силой.

– Нина, вот ты где! – в зал ворвался Люциус, неся подмышкой объемный бумажный рулон. – Придешь на мое выступление?

Она с трудом могла припомнить, когда встречала Люциуса в последний раз, отчего само его появление сбило с толку сильнее услышанного. Он сел рядом с Ниной и сунул ей в руки плакат с громким заголовком «Невероятный Люциус Страйдер».

Ниже витиеватым шрифтом – «*Шоу иллюзий*».

А далее портрет: лицо – эталон мужской красоты, черные кудри, зеленые глаза – все узнаваемые черты Люциуса присутствовали, но что-то делало его написанный образ не схожим с действительностью, – он был еще прекраснее, чем в жизни. Не таким бледным, не таким изнеможенным. Может, настоящий Люциус и пытался скрыть следы усталости за обаятельной улыбкой, но потускневший взгляд выдавал все.

– Будет много фокусов, – он поднес руку к лицу Нины и выудил из воздуха монетку, – ты не пожалеешь. – Люциус вложил добычу ей в ладонь и покинул гостиную так же стремительно, как и вошел.

Впечатленная простым трюком, Нина пребывала в состоянии легкого ступора. Она даже не сразу поняла, что произошло, когда кто-то из-за спины грубо выдернул из ее рук афишу. Стремительно обернувшись, Нина застала человека, которого, к непомерному удивлению, видела впервые.

– Эти плакаты однозначно лучше предыдущих, – с кислой улыбкой оценил мужчина.

Он был строен и высок. Лицо имело властные черты – широкие квадратные скулы, тяжелые брови, а прямой нос и чувственные губы делали внешность нескучно смазливой. По опущенным уголкам глаз можно было заключить о его меланхоличной натуре, но что-то подсказывало Нине, что человек перед ней скорей вспыльчивого темперамента. Его золотисто-каштановые волосы были всклокочены, как будто он только встал с постели, а рукава белой рубашки закатаны выше локтей, обнажая на внутренней стороне предплечья темный рисунок – на татуированных игральные карты вместо трех главных достоинств красовались черепа.

С появлением незнакомца в гостиной повисла тишина: прервалась музыка, смолкли разговоры. Эстель одарила мужчину хмурым взглядом, на что тот невинно пожал плечами:

– А что такое? Я все это время был здесь.

Его благородная осанка и гордо посаженная голова вызвали восхищение. Он отбросил афишу и, перепрыгнув через изголовье дивана, оказался рядом с Ниной:

– Мы незнакомы. Я Ричард, – его приглушенный голос звучал таинственно и даже интимно.

– Нина, – она протянула ему руку, но в ответ столкнулась с усмешкой.

– Я не сказал, что это приятное знакомство.

Последовало неловкое молчание, требующее ответа. Нина заглянула в дразнящие золотистые глаза Ричарда и, по примеру Джеймса, грубо бросила:

– Да мне плевать.

Запрокинув голову, Ричард рассмеялся. Смеясь, повернулся к остальным, но нарвался на мрачные лица и затих. Неуклюже похлопав изголовье дивана напоследок, Ричард удалился восвояси, и Нина окинула зал рассерженным взглядом. Она чувствовала себя оскорбленной и, как ни странно, вины Ричарда в этом не усматривала.

– О ком еще в этом доме я не знаю? – вопрос прозвучал сухо и был адресован сразу всем.

– Незнакомцев для тебя здесь больше нет, – голос Эстель дрогнул, дав небольшую трещину напускной невозмутимости. – Просто Ричард такой скрытный, он не любит показываться...

После слов «незнакомцев для тебя здесь больше нет» Нина уже не слушала. Внутри клокотала смесь злобы и жгучей обиды. В этих недомолвках сквозила какая-то гадость.

В который раз ночное пробуждение сопровождалось мучительными воплями. Когда они прекратились, на смену пришло долгое безмолвие. Но после ряда бессонных ночей крик не мог исчезнуть бесследно. Эхом он засел у Нины в голове. Она так и не могла определить, что подвергает ее худшей пытке – звуки агонии или гнетущая тишина после. Под свинцовой усталостью Нина не знала отдыха. Снедаемая невозможностью уснуть, она вышла из комнаты и окунулась в сумрак длинных стен.

Из стеклянных дверей балкона лился голубоватый лунный свет, деля коридор на два крыла. Серебристое сияние прокладывало путь по лестнице, мягко скользило вниз по ступеням и отражалось едва различимой музыкой на первом этаже. Кто-то и впрямь заиграл в гостиной.

Спустившись по лунной тропе, Нина робко заглянула в приоткрытые двери. За фортепиано сидела сгорбленная фигура Джеймса. С одной стороны его ласкал призрачный свет из окон, с другой – окутывало покрывало мрака. Он монотонно перебирал клавиши по памяти, пытаясь воссоздать чувственную мелодию; злился, когда нужные ноты убегали из-под пальцев, и настойчиво искал их. Нина обратила внимание, что Джеймса слегка потряхивало. То ли от напряжения, то ли от алкоголя. В бутылке на верхней крышке фортепиано колыхался ром.

Послышался тяжелый вздох. Джеймс вновь поставил руки на клавиши. Нота за нотой плавной волной зазвучала та самая музыка, которую он так кропотливо урывками вспоминал. Легкая, навевающая грусть, она превосходно сопровождала эту волшебную лунную ночь. Тело Джеймса расслабилось, он выпрямил спину и чуть откинулся назад, а движения рук стали столь непринужденными, словно те сами знали, куда следовать.

Он прекратил играть внезапно.

– Тебе снятся сны, Нина? – неожиданно спросил, не оборачиваясь.

Низкий грудной голос вывел ее из ощущения летаргии, взбудоражив до мурашек.

– Да, – Нина до сих пор не верила, что Джеймс вдруг заговорил с ней.

– Хорошие? – Он чуть развернулся. Лунный свет обрисовал острый профиль.

– Вполне. – Помнить бы их еще.

Джеймс выглядел все так же небрежно: потрепанная рубашка, рваные джинсы, взлохмаченные волосы, раскинутые по плечам. Лицо обросло бородой, делая черты менее жесткими. Он встал из-за инструмента, забрал ром и, минуя Нину, отправился прочь.

– Джеймс, – позвала она.

Он остановился к ней спиной, оглядываться не стал.

– Травяной чай помогает уснуть.

– У меня свой «чай». – Джеймс вскинул руку с полупустой бутылкой и двинулся наверх. Больше этой ночью Нина криков не слышала.

Глава 5

Обратная сторона сцены

Нина посмотрела в зеркало и не признала себя. Отражение мало чем походило на повседневное, отчего она невольно засмотрелась, – в джинсовом комбинезоне простого кроя и шерстяном полосатом жакете она выглядела, как если бы Агнес и Эстель каким-то совершенно дьявольским образом оказались в одном теле.

Вежливый стук в комнату прервал процесс самолюбования:

– Я извиняюсь, но нам пора выдвигаться.

Нина вышла на голос Люциуса, немного усовестившись того, что заставила его ждать. Он нервно поглядывал на часы и определенно не походил на человека, которому предстояло блистать на сцене. И без того бледное лицо казалось совсем призрачным, под глазами залегли черные круги, усугубляя болезненный вид, а потухший взгляд добавлял годы. Но даже страдальчески осунувшиеся черты выдавали в Люциусе привлекательного брюнета. Пусть теперь привлекательность эту и можно было описать, скорее, как «своеобразную».

Во дворе у машины собралась компания попутчиков. Джеймс курил, придерживая переднюю пассажирскую дверь. Рядом дымил Грейсон, вступив в негромкую дискуссию с Ричардом, – судя по неприязненным лицам, разговор не клеился. Агнес осталась дома со словами: «Я эту клоунату уже пятьсот раз видела, и вообще у меня сейчас «Рокки» начнется, катитесь». Эстель деликатно сослалась на нехватку мест в машине, а затем нашла какие-то дела. Нельзя было сказать, что Нина прониклась к тетушкам огромным доверием, но малознакомое мужское общество не внушало его совсем.

– Посадить меня за руль – прямо-таки оскорбление, – проворчал Люциус, усаживаясь в машину. – Я творец, а не водитель.

– Брюзжишь, как старая бабка. – Джеймс отправил остаток сигареты в ближайший кустарник и устроился на своем месте.

Нине предстояло разделить поездку с Грейсоном и Ричи. Восторгов необходимость не вызывала. Повозившись с магнитофоном, Джеймс запустил кассету из ассортимента бардачка. Салон наполнил ревуший рок. Удивительно, как человек, накануне прикипевший к фортепиано, мог испытывать наслаждение от сумасшедших басов, что нещадно долбили по ушам, словно железным молотом. Уже на середине пути Нина почувствовала, как несуразные гитарные запилы прессом сдавливают голову.

– Ричи, подвинься, – скрипя кожаной курткой, заерзал Грей, – видишь, места мало.

– Просто кто-то занял слишком много справа, – отмахнулся тот, не отрывая тоскливого взгляда от лесных пейзажей за окном.

Его важный вид, осанка, снисходительный тон – все в Ричарде возмущало Нину. От одежды из гладких тканей в лучших традициях классики до золотистых глаз с недобрый блеском.

– Кто-то слева две недели не высовывался, так, может, и сейчас соизволит помолчать? – как можно сдержаннее парировала она. Осадить Ричарда стало делом чести.

– Sei divertente, – с уничижающим ехидством произнес он. – Но раз уж сама Нина попросила...³

– Тебе в утренний кофе нагадили, что ты ведешь себя, как придурок? – Нина не на шутку вспылила, начав терять над собой контроль. Наигранные интонации Ричарда резали слух похлеще музыки Джеймса.

³ Ты смешная (итал.)

– Точнее и не скажешь, – поддержал Грей.

– Встал на сторону девки, чего от тебя еще можно было ожидать? – ошетинился Ричи.

Оба как будто только и ждали момента сцепиться языками. В посыпавшихся ругательствах зазвучали слова, значение которых Нина предпочла бы даже не знать. Она беспомощно обратила взгляд на зеркало и встретила с гневными глазами Люциуса. Его пальцы стиснули руль, да так крепко, что руки вздулись голубыми узорами вен. Одновременно на иллюзиониста навалились собственные волнения, потоки ругани и музыка, которая, пожалуй, могла ублажить слух самого сатаны. Убери хотя бы одно из составляющих уравнения, и справиться с остальными стало бы проще, – Люциус, то ли прочитав мысли Нины, то ли основательно утомившись от шума, опустил окно, вынул из магнитолы кассету и со всей ненавистью вышвырнул наружу.

– Твою мать! – закричал Джеймс благим матом. – Черт, Люк, совсем с башкой не дружишь? – он постоянно оглядывался назад, будто эту дьявольскую песнь еще можно было спасти.

Но тишина стала бы роскошью.

– Я считаю, что кое-кому здесь делать нечего! – негодовал Ричард. – Или, раз уж на то пошло, давайте всех подряд посвящать в нашу жизнь. Она ведь ничего не стоит. Вот я, вот моя изнанка! Добродушие Эстель меня убивает...

– Это добродушие называется «семья», – Грей начинал терять самообладание. – Слышал про такое?

Ричард замер. Потемневшие от ярости глаза выдавали множество роящихся в голове мыслей, но он словно утратил дар речи. Грейсон явно наступил на большую мозоль, разбудив в Ричарде что-то черное, наполненное отчаяньем и бессильной злобой.

– Дерьмо, дерьмо, дерьмо, – со стуком пластиковых футляров ворошил бардачок Джеймс.

– Ой, да что тебе скрывать, пару грязных носков под кроватью? – продолжила наседать Нина. – Не очень-то интересно, знаешь ли!

– О, это что, кассетка Эстель? – Джеймс насмешливо крутил в руке коробочку с подписанной вручную этикеткой.

– Дай сюда! – Люциус выхватил ее и кое-как трясущейся рукой вставил в проигрыватель. Минорные ноты «Лунной сонаты» несколько снизили накал страстей, но не могли подавить враждебные настроения.

– Dio, vorrei essere riuscito a ucciderti, – по-змеиному прошипел Ричард. В речи ⁴недвусмысленно сквозила угроза.

– Да-да, чертовски страшно, – не поняв ни слова, отмахнулась Нина. – Строишь из себя таинственного заносчивого недотрогу, но знаешь, кого я вижу на самом деле? Глубоко одинокого, несчастного человека, – ей больше всего хотелось надавить на уязвимые места Ричарда в надежде, что он прекратит упиваться желчью и ощутит что-то, кроме яда.

– Вы там еще не закончили? – Джеймс открыл окно и закурил.

– К тебе, кстати, тоже относится!

– Жаль, я не слышал, что ты до этого сказала.

Ричард отвернулся, дав понять, что тема исчерпана. Остаток дороги все провели в безмолвии.

Преодолев лабиринты городских улочек, Люциус выехал к морю и заглушил мотор. Нина с нетерпением встретила соленый воздух и монотонный шум набегающих волн. Перед глазами предстала гранитная набережная, в конце которой угадывался парк аттракционов. Он вполне мог сойти за заброшенный, если бы не медленно ползущее чертово колесо и пара действующих палаток с едой. Людей здесь было немного, лишь несколько любителей вечерних прогулок.

⁴ Боже, как бы я хотел убить тебя.

– Так, детки, займите себя чем-нибудь на часик, папочке нужно готовиться, – Люциус поспешил исчезнуть в опустившейся полутьме.

Джеймс отвел в сторону Ричарда, по всей видимости, самого приятного ему человека. Что неудивительно – парочка сочеталась друг с другом столь же превосходно, как рыба с фенхелем (вот только и то, и другое одинаково претило Нине). Но на паскудном характере сходство заканчивалось. Разнотипная внешность, пропасть в десятилетие – именно на столько Ричард казался моложе товарища. Если бы Нине пришлось разместить гостей «Барнадетт» на возрастной лестнице, она поставила бы Джеймса и Грейсона на одну ступень, а после – всех остальных.

Не желая больше оставаться в поле зрения Ричи, Нина отправилась на прогулку в гордом одиночестве. Чтобы хоть сколько-нибудь подсластить горький привкус минувшей поездки, она взяла в палатке сахарную вату, но подавленное настроение напрочь отбило аппетит.

Нина встала к монолитному ограждению набережной. Лениво отщипывая вату по кусочку, она разглядывала морской горизонт. Там, где недавно полоса уходящего солнца ласкала волны нежным розовым светом, теперь не было границ, – вода сомкнулась с темным небосводом. В отражении замерцали первые звезды. Размеренные всплески успокаивали слух, располагая к размышлениям. Чего только поначалу Нине не приходило в голову, мыслей было так много, что она не успевала складывать их во что-то вразумительное. Но когда рассудок остыл, Нина начала вдруг искать в ненависти Ричарда здоровое зерно: стоили ли проблемы того, чтобы приезжать туда, где ее никто не ждал? А если пораскинуть мозгами еще раз?

– Грустишь?

Грейсон прислонился спиной к ограждению. От него исходил ненавязчивый запах сигарет.

– Кто-то вызвал психологическую помощь? – усмехнулась Нина. – Я в порядке, док, – вранье она отыгрывала плохо.

Грей укоризненно зацокал языком.

– Не хочешь поговорить? – В его черных глазах мелькнуло беспокойство.

Последовал вздох. Отзывчивость Грейсона импонировала.

– Ричард прав, мне здесь делать нечего. С самого начала идея дурно пахла. – Произнеся это вслух, она окончательно приняла сторону оппонента. – Приехала в дом, который мне совсем чужой. Эстель, Агнес вроде родственницы, а на деле... – Нина ненадолго задумалась, подбирая слова, – ничего нас не связывает.

Последовала пауза.

– Порт-Рей неплохо разжижает мозги, – наконец заключила она, беспокоясь скорее о том, что позволила себе излить душу, нежели о галлюцинациях.

Грейсон задумчиво почесал бороду.

– Глупости, – твердо произнес он. – Ричи и Джеймс – два параноика и ко всему настроены скептически. Эстель и Несс любят тебя, в этом я точно уверен, просто нужно дать им немного времени узнать новую, повзрослевшую Нину. А остальное – трудности переезда. Уж с таким-то домом немудрено сойти с ума. Не поверишь, но даже у меня порой крыша едет, – он развернулся к Нине. Его облагороженные шрамом грубые черты смягчились, а добродушное выражение лица стало каким-то трогательным.

Рядом внезапно оказался Джеймс. Устремив глаза на черный горизонт, он с безучастным видом зажег сигарету.

– Все мы разные, у некоторых характер не сахар, – продолжил Грей, покосившись на Джеймса, – но нужно научиться принимать странности друг друга, как это принято в семье. В целом, мы хорошие ребята, верно, Митч?

– Ага, – отрешенно протянул тот, похоже, даже не слушая.

«Семья», – мысленно повторила Нина. Семья – это лотерея, в которой она проиграла по всем пунктам. Мать она почти не помнила – та уехала с молодым любовником, прицепив быв-

шему мужу пятилетнюю Нину, как памятный значок с надписью: «Неудачный брак 1964–1969 гг». С четырнадцати память едва цеплялась за отца, который, предаваясь разгульной жизни, ночевал где угодно, но не дома. Нине рано пришлось познать ценность труда и всю печаль отсутствия образования. Тут уж хочешь не хочешь, станешь сам себе поддержкой и семьей.

Правда, был еще Сэм...

Грейсон взглянул на наручные часы и оповестил:

– Пора.

Десятки лампочек театра «Эль Рей» обнажали очертания спящих в сумраке аттракционов. Сам «театр чудес» выглядел, может, и не самым чудесным образом, но происходили там вещи, которые зритель и впрямь не был в состоянии понять: левитация под пение духов, передвижение предметов с помощью телекинеза, сгибание ложек взглядом. И весь этот нереальный мир скрывали неприметные дощатые стены, – не будь домик сплошь унизан гирляндами, оставить его незамеченным не составило бы труда.

Зал выглядел так же бесхитростно: тусклый потолочный свет окутывал длинные деревянные скамейки и драпированную дешевым бархатом сцену. Нина успела занять место в первом ряду, прежде чем «Эль Рей» заполнила публика. Желающих взглянуть на Люциуса Страйдера оказалось так много, что настало самое время сотворить первое чудо и расширить зал. Зрители садились в проходе, практически друг у друга на закорках, теснились среди скамеек. Интересно, можно ли полагать, что люди, которые верили в магию Люциуса и поддерживали слухи о проклятье «Барнадетт», – одни и те же?

Люциус вышел на сцену, как подобает появиться артисту, – из-за кулис под оглушительные аплодисменты. Выглядел он точно демон-обольститель, прибывший украсть пару наивных девичьих сердец: элегантный смокинг по фигуре, зачесанные набок кудри, лучезарная гипнотическая улыбка с заостренными клыками. И ни следа усталости.

– Сегодня я бы хотел начать с чего-то простого, – объявил Люциус, распахивая пиджак.

Из-за пазухи показалась белая голубка. Птица непокорно затрепетала в изящных руках иллюзиониста. Он успокаивающе погладил подопечную по голове и подбросил в воздух. Голубка миг расправила крылья и собралась было устремиться на волю сквозь распахнутые двери «Эль Рея», как резким щелчком пальцев Люциус заставил ее замереть в воздухе. Неподвижная, прекрасная и абсолютно безжизненная, она висела над зрителями, словно чучело в зоологическом музее. Время для голубки остановилось. По залу прокатилось вопросительное перешептывание.

Озадаченная происходящим, Нина не понимала, что заслуживало большего внимания: птица или фокусник? Ее глаза метались между распахнутыми белоснежными крыльями и довольным лицом Люциуса. Похоже, он пребывал в восторге не меньше публики. Перехватив взгляд Нины, иллюзионист украдкой подмигнул ей, вновь щелкнул пальцами и выпустил пернатую узницу из временной ловушки. Голубка продолжила полет, будто ничто до этого ее не останавливало, и исчезла в уличной тьме.

А Люциус продолжил удивлять: заставлял предметы то взмывать в воздух, то исчезать в руках изумленных зрителей, сходу вытягивал из колоды загаданные в зале карты; превращал вино в воду под восторженные возгласы. Нина совсем забылась. Весь вечер с ее губ не сходила улыбка, а с лица – искреннее удивление. Поставив удовольствие выше скепсиса, она погрузилась в волшебство, как наивный ребенок; глаза ее блеснули от возбуждения, а душа переполнилась ликованием.

– Для следующего номера мне понадобится доброволец.

Желающих оказалась уйма, – одновременно в воздух взметнулся десяток рук. Люциус непринужденно прыгнул со сцены и встал рядом с Ниной. Он прикинулся задумчивым

и с притворным усердием изучал кандидатов. Все в нем намекало на то, что «жертва» давно известна.

Он протянул руку Нине. Неловкое смущение вмиг сковало девушку. Она робко подняла глаза, ограниченная выбором: согласиться на предложение или остаться в зрительном зале, не испытывая сюрпризов. Люциус ободряюще улыбнулся, его открытый взгляд и внешнее спокойствие рассеивали опасения. Дернув рукой, Нина коснулась пальцев иллюзиониста. Люциус просиял радостью. Он сжал ее ладонь так бережно, словно Нина вся состояла из хрусталя, и повел за собой на сцену.

Оказавшись под прицелом множества изучающих взглядов, Нина ощутимо напряглась. Все глаза, что любили Люциуса с трепетом и восторгом, сошлись на ней. Среди неясно подсвеченных зрителей в последнем ряду она разглядела Грейсона. Даже издали можно было заметить настороженный прищур, с которым он следил за сценой. Справа сидел Джеймс и всем видом выражал незаинтересованность. Ричард спал. «Чего ради они ехали?» – стоило Нине ненадолго отвлечься на знакомые лица, как в следующее мгновение она оказалась между двух огромных зеркал в бронзовых рамах. Реквизит возник без возни, без малейшего звука, хотя старинные, по всей видимости, зеркала выглядели очень увесистыми.

– Уверяю, такого вы еще не видели, – обратился к публике Люциус. – Впервые я хочу продемонстрировать магию порталов. Пройти через зеркала будет не сложнее, чем в открытые двери. Попробуй, – жестом он пригласил Нину столкнуться с отражением.

Сказанное привело ее в недоумение: борьба с твердой поверхностью стекла казалась перспективой глупой и крайне незаманчивой. Нина в страхе оглядела зрителей, – в глазах толпы застыло ожидание чуда. Призванная то ли разочаровать, то ли впечатлить их, она недоверчиво дотронулась до гладкой поверхности. Отражение колыхнулось под пальцами и разошлось кругами, как вода. По ту сторону стекла Нину влек мистический зов, заставив тело двинуться вперед. Зеркало приятно обволокло ее, затягивая в неизвестность.

Мир перевернулся с ног на голову, сделал полный оборот и замер в непроглядном мраке. Новый мир казался пустым – ни света, ни звука. Откуда-то сквозило холодом, как из одинокой ледяной бездны.

Не успела Нина привести в ясность мысли, как вспыхнули мутные прожекторы, осветив зрительный зал. Она глянула в толпу и обомлела. Из убитых временем кресел на Нину уставились изъеденные язвами лица, – кто вперился одним глазом, у кого глазницы и вовсе были пусты и незрячи. Изорванная кожа висела на публике подобно лохмотьям, обнажая кости и червивую плоть; сквозь истлевшие ткани виднелись зубы, покрытые черной гнилью. В иных обстоятельствах Нина пошутила бы, что в прошлом так выглядели завсегдатаи «Континента» после полуночи, но было совсем не до смеху.

Страхолюдины молча смотрели на нее, будто надеясь на что-то.

Другой прожектор обнажил сцену – ветхую, гнилую, покрытую густым слоем пыли и паутины. В брошенном кругу света, свесив ноги, сидел мертвец, по виду ничем не отличавшийся от толпы в зрительном зале, – за разлохмаченными краями кожи проглядывали трупное мясо и кости, половина лица съедена насекомыми, голубые глаза под жеванными веками удивительно напоминали дядюшку Сэма. О сходстве говорили и светлые спутанные волосы, и узнаваемые в грязном отрепье предметы одежды. Только Сэм носил вместе копию куртки шерифа, джинсы «пирамиды» и остроносые ботинки на ногах.

Отбросив сомнения, Нина подсела к нему на край сцены. От Сэма пахло табаком и влажной почвой. Мертвец прервал гнетущую тишину щелчком зажигалки и закурил. Сигаретный дым попер из всех щелей изодранного тела.

– Memento mori, – устало прозвучал голос Сэма. – Знаешь, что это значит?

– Помни о смерти, – Нине померещилось, что она видела пульс в груди мертвеца, и на собеседника старалась больше не глазеть. Все внимание обратила на носы ботинок.

– Один мой приятель сказал, что ты снова забыла.

Происходящее казалось сном, а слова ненастоящего Сэма – сонным бредом, но на всякий случай Нина спросила:

– И что это значит?

– А то и значит, – с этими словами Сэм спрыгнул со сцены и, еле перетаскивая гнилые ноги, побрел через зрительный зал. – Либо ты, либо тебя. Я всегда учил цепляться за жизнь, даже самую дерьмовую, и что теперь?..

– Подожди, – обронила ему в спину Нина, – куда ты?

– А чего тебе еще от меня надо? Все, что я мог, я дал тебе при жизни. Не разочаровывай, – Сэм не сбавил шагу, даже не обернулся. – Выход знаешь где. Еще раз появишься здесь – мало не покажется.

Зрители медленно поднялись с мест и двинулись в проход, выстраивая между Ниной и Сэмом стену. Он удалялся все дальше и дальше, пока не исчез в слепяще белом выходе.

Что там, за пределами этого жуткого театра? Мертвецы не пускали узнать. Еще не пришло время.

Темнота. Неизвестно, сколько она длилась, прежде чем Нина начала каждой клеточкой сознания продираться сквозь нее. Сперва появились звуки, затем проснулись ощущения. Озябшая в тумане, она едва чувствовала чьи-то руки, которые не давали упасть. В бледно-желтом свете угадывались мужские черты, складываясь в узнаваемое лицо Люциуса. Нина никогда не видела его таким напуганным.

– Порядок? – спросил он, и голос исчез в невообразимом гвалте оживившегося зала.

– Браво! – Публика взорвалась аплодисментами.

Проступившая под ногами твердь быстро отрезвила. От зеркала, куда Нина отважилась войти, осталась узорная рама и поблескивающие на сцене осколки. Зеркало-выход высилось над ней невредимым, – отражение дразнило собственной недоуменной физиономией.

Где-то за стеклом был Сэм...

Нина с трудом держалась, чувствуя головокружение. В шумном месиве толпы она вдруг зацепилась взглядом за бледного человека в черных одеждах; он направлялся к выходу за спинами последнего ряда. Его имя мгновенно всплыло в памяти. Винсент.

Борясь с маревом, Нина устремилась за ним. Она неуклюже расталкивала засевших в проходе людей, преодолевала коридор, как полосу препятствий, до тех пор, пока в лицо не ударил желанный порыв ветра. Нина жадно втянула прохладу, цепляясь за остатки ясного сознания, и внимательно обшаривала глазами округу. На улице не было ни души. Винсент пропал, как очередная немислимая чушь, которая из раза в раз уже утомляла. К горлу подступила тошнота.

– Ты как? – Грей обхватил Нину за плечи, встревоженно осматривая ее побледневшее лицо.

От переизбытка чувств она потеряла все слова. Из «Эль Рея» доносился шквал аплодисментов. Ничего, кроме хвалебного «браво», в криках зрителей не улавливалось.

– За такие фокусы можно и по физиономии получить, – со знанием дела отметил Джеймс, доставая из кармана кожаной косухи сигареты. – Порталы, ага, как же.

Грей неприязненно глянул на него и сильнее сжал плечи Нины. Тело вдруг накрыла теплая волна упоения: суетливые мысли угомонились, сердце выровняло ритм. Как будто кто-то укутал меховым пледом, в котором было тепло и безопасно. Лишь после того, как взгляд Нины вновь стал здоровым и осознанным, Грей отпустил ее.

– Люку явно следовало выбрать кого-то менее впечатлительного, – злорадно сообщил Ричард. Нина сделала вид, что не заметила его появления.

Из театра потянулась довольная публика, и выглядела она вполне обычно. В пролетающих разговорах то и дело мелькали лестные фразы о красоте и талантах артиста.

– Все закончилось, идем к машине, – предложил Грейсон.

Черные, карие и золотистые глаза ждали ответа.

– Мне нужно проверить Люциуса, – неожиданно заявила Нина, почувствовав острую необходимость в его обществе.

К счастью, возражать никто не стал. Грейсон попросил у Джеймса прикурить, прежде чем троица удалилась к парковочному месту.

В смятении мыслей Нина вернулась в театр «Эль Рей». Мозг, вообразив себя заумным аналитиком из утренней телепередачи, пытался запустить сложный интеллектуальный процесс на тему: «В какой момент я сломался?». В голове все смешалось, и как восстановить размытые границы между иллюзиями и безумием, теперь одному дьяволу было известно.

Преодолев пустую сцену, Нина интуитивно нашла за бархатной портьерой коридор с гримерками. Густая тьма здесь пахла затхлостью и пылью, обволакивая душу холодом. Того и гляди заиграет тревожная закадровая музыка, которая должна обозначить, что вляпался ты, дружок, не по-детски. Лишь тонкая полоска света из приоткрытых дверей разрешила черную бездну, хоть как-то деля ее на плоскости. Негромко ступая, Нина подобралась к гримерке Люциуса и занесла руку, чтобы постучать, но остановилась, увидев иллюзиониста.

В мертвенном освещении гримерного зеркала сгорбленный силуэт неподвижно навис над облупленным трюмо: руки уперты в столешницу, голова низко склонилась, закрыв лицо волосами. Тело тряслось лихорадочной дрожью, – Нина ощущала, как от Люциуса тянется волна озлобленности. Вдруг он зарычал, как от бессилия, и со страшным остервенением ударил по зеркалу перед собой. С тупым звоном от места удара к раме расплзлись узоры кривых линий, несколько мелких осколков отскочили на пол.

Нина отпрянула от дверей, сердце испуганно забило птицей в груди. Она подумала, что именно его гулкий стук привлек внимание Люциуса. Искаженные яростью черты иллюзиониста вмиг расплылись в радушии. Резкая смена лиц вселяла какое-то неудобное чувство.

– Люциус? – несмело позвала Нина, будто хотела удостовериться, что это, в самом деле, он. – Ты как? – очевидно, скверно, но девушка почувствовала необходимость задать вопрос, который хоть сколько-нибудь претендовал на резонность.

– Замечательно, – пожал плечами Люк как ни в чем не бывало. – Проходи и закрой, пожалуйста, дверь.

Она послушно пересекла порог каморки, – какой-никакой вид «гримерной» помещению придавали только лампочки на побитом зеркале. Люциус плюхнулся на засаленный диванчик и обреченно запустил пальцы в волосы. На место улыбочивой маски пришла печаль. Нина села рядом, не совсем понимая, что нужно делать при виде огорченного человека. Испытывая неловкость, она опустила глаза и сказала:

– Здорово у тебя получаются эти фокусы. – Слова, которые должны были ободрить, прозвучали так кисло и скованно, что, будь в комнате цветы, они бы наверняка разом скуксились. Нина не умела сочувствовать от сердца.

– Это моя мечта – создать грандиозное зрелище, написать феерию, гастролировать по миру. – Голос Люциуса звучал низко, вкрадчиво. – Быть может, однажды так и будет.

– Почему не сейчас?

В ответ он откинулся на подлокотник, подпер голову рукой и лукаво усмехнулся:

– Сначала мне нужно закончить другое шоу...

Нина поджала губы и понимающе кивнула, хотя поняла ровно столько, сколько Люциус позволил. Выжимать из него подробности не было ни сил, ни желания.

– А ты девочка, которая не задает вопросов. Прямо не устаю восхищаться, – с певучей интонацией произнес он.

На некоторое время каморка утонула в тишине. Люциус неотрывно блуждал взглядом по лицу Нины, сначала с явственной заинтересованностью, чуть погодя – с закравшейся печалью.

– Люк?

– Да? – не меняя позы, отозвался иллюзионист.

– В портале я видела сон. Про моего знакомого – Сэма. Он сказал, что я забыла о... –

Нина вдруг услышала себя и замолкла. С чего бы ей взваливать на Люциуса бред воспаленного ума? Как будто он лично организовал ее встречу с Сэмом.

Люк вопросительно поднял брови, очевидно, не уловив ее мысль. Чтобы сгладить конфуз, Нина решила быстро замять сказанное:

– Как у тебя получился фокус с зеркалами?

– Даже не надейся.

– Мастера не раскрывают секретов? – прищурилась она.

– Время еще не пришло. – Люциус выпрямился. – И, Нина, не думай об этом. Ты здорова, – доверительно добавил он, взглянув на часы. – Кстати, о времени. Кажется, нас ждут.

Вернувшись домой, Нина встала под душ. На грудь навалилось напряжение, будто бы тяжесть минувших дней буквально обрела вес. И в самую пору разразиться рыданиями. Но слезы не шли. Эту способность Нина давно утратила вместе с погибшим умением сочувствовать.

Страшнее было то, что она не видела в этом явлении ничего предосудительного. Ей хватало понимания мыслей и точек зрения других людей, но в деликатных ситуациях она реагировала с трудом.

Тет-а-тет с Люциусом словно поддел какую-то застарелую высохшую рану. Заставил напомнить об эмоциональных оковах.

Ночью она пробудилась от крика по соседству и, не справившись с бессонницей, вышла на балкон. Первый снег окутывал город, а Нина все думала о неопределенном будущем, несурразном настоящем. Морозный воздух сработал лучше всякого снотворного: она вернулась в комнату и не заметила, как уснула под убаюкивающее пение фортепиано.

Глава 6

Боевые товарищи

Кофейня «Джермэйн» блестела чистотой и давно была готова к закрытию. Нине пришлось дважды за день отмывать витрину от краски.

Стрелка часов неумолимо приближалась к десяти вечера, а Грейсон все не заезжал. Нина скучала в предвкушении его скорого появления, и только она подумала, что надо бы начать беспокоиться, как в желтой полосе фонарного света остановился знакомый «Шевроле». На пороге возник Джеймс собственной персоной: с царственной походкой, недовольными карими глазами и снежинками в непричесанных волосах.

– У меня есть повод волноваться за Грейсона? – Нина окинула его недоверчивым взглядом. Сам Джеймс Митчелл осчастливил ее своим появлением в «Джермэйн»! Завтра пойдет кислотный дождь.

– У тебя есть повод начать собираться быстрее, пока я не передумал, – резко бросил он, приближаясь к прилавку.

Нина отнеслась к очередной колкости как к отрицательному ответу и метнулась за верхней одеждой. Ожидая, пока она справится с пуговицами и молниями, Джеймс мрачно покосился на банку «для чаевых». Запустил руку и выудил несколько случайных чеков: особняк, портрет Грея, зеркала в театре «Эль Рее», зомби из низкосортного ужастика. Увидев рисунок с парящими во тьме глазами, насупил брови.

– Это что, впечатления о каникулах в Порт-Рее? – холодно спросил Джеймс, забрасывая рисунки по одному обратно в банку.

– Это что, любопытный нос Джеймса Митчелла?

– Ну и срань.

Нина оставила его слова без внимания. Строптивый характер Джеймса настолько опостылел ей, что уже воспринимался как что-то обыденное и не всегда требующее реакции.

Вечерний Порт-Рей окутала завеса снежной вуали, преобразив картину города. В преддверии праздников нарисовались золотистые гирлянды, делая до этого печальные улочки сказочно уютными. Вне стен кофейни Нине открылся другой мир – охваченный серебром, безмятежностью и зимними чудесами.

– Даже не представляю, чего тебе стоило покинуть «Барнадетт», – проворчала она, натягивая ремень безопасности. Разумеется, Джеймс приехал за ней не по собственной воле.

– Тебя это волновать не должно, – он завел машину. Мотор издал звук неисправности, но Джеймс, очевидно, посчитав это за естественное явление, невозмутимо нажал на газ.

– Спокойно, я всего лишь задумалась, каково это – обосноваться в городе, который тебе ненавистен.

– Так говоришь, будто сама от хорошей жизни сюда приехала.

– Что ж, один-один.

Джеймс усмехнулся краем губ и явно остался доволен.

Машина покинула город и запетляла меж заснеженных холмов по коридорам из сосен. На небе глубокого синего цвета возшла полная луна, обнажая металлическим сиянием очертания далеких гор. Призрачными отблесками она мягко касалась задумчивого лица Джеймса, закладывая тени в хмурые морщины. Он размышлял о чем-то своем, а Нина не смела мешать. Да и поводов для разговора не искала.

Плавные изгибы дороги и тишина убаюкивали ее. Веки отяжелели, а неодолимая дремота заставила зевать. Девушка собралась было поддаться усталости и прикорнуть, как вдруг предсмертные звуки мотора вновь дали о себе знать. Нина напрочь забыла о сне. Машина столь настойчиво сообщала о повреждении, что даже Джеймс не мог больше притворяться глухим.

Он вынужденно остановился на краю трассы. Выругался. Вышел. Заглянул под капот. Оценил ситуацию и снова выругался. Нина решила, что в делах автомобильного ремонта Джеймс наверняка был невеждой, потому как удостоил поломку лишь поверхностным взглядом – сделал меньшее из того, что требовала ситуация. Джеймс со злостью захлопнул крышку.

– Проблемы? – Нина нехотя выбралась на холод. Вопрос был задан не столько из интереса, сколько для подтверждения опасений.

– Приехали. Развалюха Несс решила попрощаться с нами.

Джеймс сунул руку в карман и достал измятую коробку сигарет. Обнаружив ее пустой, расстегнул куртку и нашел девственно новую упаковку в кармане. Создал заслон из ладони, закурил, сердито поглядывая на оставшиеся внизу городские огни. Вот так скоро и внезапно Нина Стелманис и Джеймс Митчелл оказались в плену темного небосвода, промозглого ветра и одинокой дороги. Свидетелем тому был холодный лунный диск.

– Однажды это должно было случиться, – выпустив дым, произнес Джеймс.

– Будем ждать попутку?

– Конечно, видишь, какое движение активное, – с деланным смешком ответил он. – Может, пора бы разуть глаза?

Нина зябко поежилась от холода и с надеждой устремила взгляд на извилистую ленту дороги. Заунывный свист метели злорадно напоминал о пустоте вокруг, вызывал чувство потерянности. Сколь Джеймс ни был груб, Нина почти поверила ему: помощи здесь ждать неоткуда. Но не успела она впасть в отчаянье, а Джеймс взяться за очередную сигарету, как в лицо засияли фары.

– Спасение на горизонте, капитан, – торжествующе усмехнулась Нина, забыв, что еще мгновение назад была готова похоронить веру на удачный исход.

Рядом затормозил начищенный до блеска пикап ржавого цвета. Опустились окна, и на Нину уставилось три явно нетрезвых юношеских лица, с которых еще не успели сойти подростковые прыщи. За рулем сидел нескладный парень с выющейся рыжей челкой, его друзья выглядели не менее попово – каждый начесал и стянул волосы яркой повязкой, согласно моде. В кузове устроился еще один товарищ. Не расставаясь с бутылкой спиртного, он суетливо начал осматриваться затуманенным взглядом, не понимая причину остановки.

– Сломались, что ли? – перекрикивая радио в машине, поинтересовался водитель. – Куда едете?

– «Барнадетт», – ляпнула Нина, не подумав об осторожности. Джеймс воззрился на нее, как на безумную, высказав все, что думает, уничижительным взглядом.

– Погнали лучше с нами!

«С такими спасителями да напрямиком в ад», – подумала Нина и обняла себя за плечи. По телу пробежала волна ледяного озноба: от холода или разочарования? Джеймс помрачнел, волчья глаза презрительно сузились:

– Езжайте, куда ехали. – Тембр его голоса никогда прежде не звучал так сильно. Легкие вибрации угрожающе резали слух, словно бритва.

– Может, хотя бы красавица поедет с нами? – подхватил другой. – Чего тебе стоять с этим стариком? Уж он-то тебя точно не согреет, – на рябом лице расплзлась гадкая ухмылка. Кто-то присвистнул.

Специфика работы в «Континенте» воспитала в Нине бесстрастное отношение к свистунам. Но если до этого она всем видом показывала безразличие, то теперь ее выражение окрасилось презрением.

– Повторю доступнее: валите на хрен, придурки, – вскипел Джеймс.

С юношеских лиц вмиг сошли улыбки. Рыжеволосый убавил звук радио:

– Вы слышали это, парни? – обратился он к друзьям. – Мы им помощь, значит, а что в ответ? Надо бы научить кое-кого вежливому общению.

– Верно говоришь, Перси.

Как по команде троица вывалила из машины. В кузове активнее закопошился четвертый, не в силах показать подобные чудеса резвости. Нина сделала глубокий вдох, – ей ли не знать, как алкоголь внушает людям невиданную уверенность, что они способны и горы свернуть, и вчетвером на двоих с успехом ринуться. Испытывать страх – не стыдно, но гордость приказала обуздать панику и сохранить лицо.

Рыжий сделал уверенный выпад в сторону Джеймса, намереваясь ударить в скулу, но тот молниеносно перехватил занесенный в воздухе кулак и рывком заломил руку парня. Над трассой поднялся истошный вой. Джеймс врезал зачинщику по искаженной от боли физиономии; сила удара оказалась столь колоссальной, что парень не смог устоять на ногах и упал на промерзший асфальт.

Второй противник решил действовать быстро, – Джеймс едва успел уйти от замаха левой руки и тут же заблокировать нападение правой. Юноша оказался проворнее предыдущего и ловко увернулся от прямого удара в солнечное сплетение, но пропустил мощный апперкот в челюсть. Раздался треск зубов. Джеймс притянул парня за куртку и остервенело двинул еще несколько раз по лицу, – проступившая кровь обидчика смешалась с кровью на разбитых костяшках. От нокаутирующего выпада юноша отлетел в сторону, обмяк и безвольно рухнул навзничь.

К парню с рябым лицом Нина питала особую неприязнь. Когда он подался в ее сторону, девушка буквально ослепла от ярости, так и не успев понять, что именно стало спусковым крючком: сальная ухмылка или похотливый огонек в глазах.

В семнадцать лет, устав перебиваться случайными заработками, Нина по знакомству устроилась в бар под названием «Континент». Официанткой она сновала с подносом меж посетителей и никому не заглядывала в лицо. Боялась наткнуться на вожделенные взоры, которыми был награжден весь женский состав персонала.

Но чем настойчивее она отводила глаза, тем больше интереса вызывала к себе.

Нина надеялась уйти от того, что в душе считала неизбежным, и однажды ей все-таки пришлось узнать не понаслышке, что некоторые нетрезвые джентльмены не только умело стреляли зазывными взглядами, но и обладали дурной привычкой распускать руки.

Чьи-то сальные касания вызвали настолько нестерпимое омерзение, что тошнота немедленно сдавила горло. В гневе Нина обрушилась на обидчика матом, разругалась с побледневшим администратором, и, не терпя больше унижений, сбежала прочь. От досады и брезгливости предательски закипали слезы.

Когда холодный воздух привел в чувство, она обнаружила себя на ступенях отцовского дома. Своим его язык не поворачивался назвать. Пушистый снег накрывал продрогшее тело тонкой накидкой, а внутрь все равно заходить не хотелось, – утешения в стенах, пропитанных запахом крепкого алкоголя, быть не могло.

Со стороны слышались торопливые шаги. Нина подняла глаза и увидела человека, одетого в копию куртки шерифа. Дядюшка Сэм сердито глядел на нее из-под насупленных бровей, не скрывая раздражения к женским слезам:

– Чего сопли размазала? Обидел кто?

Слова не давались расстроенному сердцу, Нина только кивнула.

– Где папаша? – не изменив хмурого лица, допытывался Сэм.

– Не знаю, – бросила она, нисколько не покривив душой.

– М-да, – дядюшка Сэм примостился рядом и закурил.

Некоторое время они смотрели сквозь пелену дыма, как густые снежные хлопья осыпали дорогу, наваливались шапками на ветви деревьев, гонимые ветром, крутились в белой карусели. Нина прислушалась к окрестной тишине и начала успокаиваться.

– Всегда говорил, что удали в тебе нет, – задумчиво произнес Сэм, – но ты ничего, держисься.

Нина не нашла ответ.

– Ладно, хватит зад морозить, веди в дом.

На ее вопросительный взгляд Сэм закатил глаза:

– Чего вылупилась? Забыла, кто впервые дал тебе в руки оружие? Так кто, если не дядюшка Сэм, научит тебя защищаться? Идем, покажу пару действенных приемов.

Она отупела от гнева и едва смогла бы связать даже матерные слова. Нина двинулась на врага сторбленной от злобы походкой и со всей силы нанесла точный удар сначала в пах и тут же, без промедления, коленом в живот. Парень шумно выдохнул и со стоном повалился набок. Но этого было мало. От кровожадного желания Нина будто сошла с ума. Она добивала неприятеля по голове, по лицу – один удар от нее, другой – привет от Сэма. От нее, от Сэма, пока кулаки не стали липкими от крови.

Со спины раздался хлесткий звук выстрела. Гул эхом прокатился по округе и осел в ушах. Нина обмерла от ужаса. Под ошеломляющим впечатлением реальность совсем размылась, потребовалось немалое усилие, чтобы опомниться от забытья и обернуться.

Выбравшийся из кузова тип еле держался на ногах. Что в его виде заставило помертветь от испуга – паника на лице или пистолет в дрожащих руках, – стоило еще подумать. Сотрясаемый ознобом, парень не сводил потрясенных глаз со ствола. Ему неоткуда было взять смелости, чтобы поднять взгляд на жертву.

Джеймс отбросил край распахнутой куртки и небрежно окинул расплывающееся по рубашке алое пятно. Не уделив ранению ни секунды больше, подошел к стрелку и жестом потребовал отдать оружие. Шокированный парень сопротивляться не стал. Джеймс поднял пистолет, чтобы разглядеть его в свете луны, и резко ударил рукоятью по голове молодого человека. Тот рухнул на землю без чувств.

От воцарившейся тишины зазвенело в ушах. Джеймс оглянулся на Нину и так же бесстрастно оценил поверженного ею противника:

– Полагаю, спрашивать, все ли у тебя в порядке, смысла нет, – сухо констатировал он.

С трудом пытаясь отдышаться, Нина безвольно смотрела, как кровь медленно растекается под ребрами Джеймса, и знать не знала, что с этим делать. Однако он вел себя так, будто совсем не нуждался в помощи. Джеймс как ни в чем не бывало достал из багажника «Шевроле» трос с железными крюками и, взяв машину на буксир, подошел к водительской кабине пикапа:

– Поехали домой, что ли?

– Ты кровью истекаешь, – побледневшими губами напомнила Нина.

– А, это, – он отозвался так беззаботно, точно ему напомнили время. – Ничего страшного, Грей подлатает. А вот рубашку действительно жалко.

«Грей?» – озадачилась Нина. Тем временем Джеймс уже устроился на водительском сиденье.

– Постой! – Она зависла в открытых дверях с пассажирской стороны. – Только не говори, что ты поведешь.

– А у нас есть выбор?

– Я не верю тому, кто может в любой момент отключиться от потери крови.

С саркастичной миной Джеймс притворился, что внимательно выслушал ее.

– Да ты серьезной кровопотери в жизни не видала, – довольно оскалился он. – Впрочем, давай постоим, поболтаем, и, скорее всего, везти меня придется уже тебе. Так что в наших интересах пошевелиться.

– Да здесь же настоящий водопад...

– Время.

– Черт с тобой, поехали, – будь у Нины множество других вариантов, она выбрала бы не доверять Джеймсу. Но выбора не представилось. Будущее, в котором ей пришлось бы остаться наедине с автомобильными педалями и поочередно перебирать их в надежде, что что-то да сработает, пока Джеймс синеет и отдает богу душу, не виделось соблазнительным.

Нина забралась в пикап и обнаружила, что салон насквозь пропах одеколоном и сигаретами. К горлу подкатила тошнота, но внимание вновь переключилось на Джеймса, оттеснив прочие ощущения. На его руке атели разбитые костяшки, и Нина предпочла бы остановить взгляд на них, но глаза упрямо тянуло на окровавленную рубашку. Джеймс задумчиво смотрел на дорогу и внезапно захохотал, вырвав Нину из угнетенного состояния. Она никогда не видела его по-настоящему веселым. А веселым и истекающим кровью – подавно.

– Ты заметила его тупую физиономию? Мамкин герой думал помахать пушкой, а сам наделал полные штаны, – сквозь смех выговорил Джеймс. Его улыбочное лицо никогда прежде не было настолько живым.

– У тебя пуля в боку, если ты не забыл.

Но он продолжал заливаться хохотом:

– Давно я так не смеялся.

Удивительно, как веселое расположение духа преобразило этого придурка: взгляд Джеймса открылся, в уголках глаз собрались радостные морщинки, а черты приобрели мягкость, став привлекательными.

– Стесняюсь спросить, а ты какого хрена сюда залезла? – подавив приступ смеха, он вновь опустил маску высокомерия.

– Чего?

– Ваше место там, юная леди, – жестом он указал на «Шевроле» позади и, заметив, как помрачнело лицо Нины, тут же добавил, – с тебя две вещи: присматривать за тросом и жать на педаль. Уж с этим ты должна справиться.

Нина была сбита с толку, но в то же время внутри проснулась поразительная готовность взяться за пугающее неизведанное. И все из-за банального осознания: никто не поможет, кроме нее.

Никто не даст отпор грязным рукам. Никто не найдет убежище, когда весь мир повернулся спиной.

Жизнь научила надеяться на свои силы.

А еще жизнь часто ставила в рамки, где препирательства неуместны.

– Я никогда не была за рулем, – Нина посчитала долгом напомнить об этом, не слишком рассчитывая, что ее новая роль в ситуации изменится.

– Все бывает в первый раз. Поздравляю.

Быстро примирившись с необходимостью, она последовала указаниям. Деваться все равно некуда, а задача следить за натяжением троса не казалась чем-то замысловатым. Преодолев в жизни всякое, не было сомнений – это не худшее испытание.

Джеймс плавно тронулся в путь. Нина держала тормоз наготове, побуждаемая чувством ответственности и желанием избежать новых происшествий. Обоюдным молчанием оба выразили солидарность во мнении, что нападавшим самое место на пустынной дороге. Нина была готова поспорить, что Джеймсу только импонировало ее нежелание строить из себя сердобольную монашку.

Домой Нина зашла с твердым намерением проскочить к комнате Грейсона быстро и незаметно, справедливо рассудив, что, попадись они в таком виде кому-либо, нравучений не избежать. Но когда, ступив на лестницу, Джеймс драматично схватился за голову, уверенность в успехе плана пошатнулась.

– Нина, – медленно теряя сознание, позвал он, – не пособишь?

Не утруждая излишними словами ни себя, ни его, Нина встала подле, чтобы Джеймс смог опереться. На плечи обрушился неожиданно большой вес.

– Второй этаж, тридцатый номер. Это восточное крыло.

К счастью, «Барнадетт» отдышал, открывая беспрепятственный путь наверх. Джеймс старался идти уверенно, имитируя твердую поступь, но его нужда в помощи с каждым шагом становилась все более ощутимой на ноющих плечах. Второй рукой он держался за стену, чтобы хоть как-то ослабить спасительнице ношу. Вялыми, медленными движениями они поплелись по темному коридору восточного крыла. Тело стонало от натуги, но бледный, обморочный вид Джеймса придавал страданиям смысл.

На пороге комнаты номер тридцать появился Грейсон и протер заспанные глаза. Доля секунды ему понадобилась, чтобы различить в гостях Нину и Джеймса, еще доля, чтобы обратить внимание на кровь.

– Привет, – вымучил из себя улыбку Джеймс и немощно отсалютовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.